

Трул Теуматъ

Ларри Нивен,
Сэмюэл Дилэни и другие...

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
СОЗДАНИЯ

Нил Гейман

**Фантастические
создания (сборник)**

«АСТ»

2013

Гейман Н.

Фантастические создания (сборник) / Н. Гейман — «АСТ», 2013

Признанный сказочник Нил Гейман собрал в новой антологии лучшие рассказы мастеров жанра фэнтези: Питера С. Бигла, Энтони Бучера, Сэмюэла Дилэни, Ларри Нивена и других. Шестнадцать историй – шестнадцать существ. Удивительных, странных, причудливых... Одни вызовут восторг, трепет, другие – страх, а может быть, ужас. Хорошо, что все они существуют только в человеческом сознании. Или нет?..

© Гейман Н., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Вступление	6
Гаан Уилсон	8
Е. Лили Ю	19
Фрэнк Р. Стоктон	27
Ннеди Окорафор	36
Нил Гейман	45
Диана Уинн Джонс	58
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Фантастические создания (сборник)

Neil Gaiman

UNNATURAL CREATURES

Unnatural Creatures – Stories Selected – Collection

Copyright © Neil Gaiman, 2013

© М. Тогобецкая, перевод на русский язык

© С. Силакова, перевод на русский язык

© А. Аракелов, перевод на русский язык

© С. Ильин, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Посвящается Снежному человеку, путешественникам во времени, пиратам, роботам, нудным товарищам (которые явно не являются секретными агентами в скучнейшей маскировке), людям в космических ракетах и нашим матерям.

Н.Г.

Вступление

Когда я был мальчишкой, лучшее место на земле находилось в Лондоне, в нескольких шагах от станции Южный Кенсингтон.

Это было нарядное здание из разноцветных кирпичей, крышу его – только представьте! – украшали горгульи: птеродактили и саблезубые тигры. В холле стоял скелет тираннозавра, а за пыльным стеклом витрины – чучело птицы додо, ископаемого дронта. В бутылках хранились существа, выглядевшие совершенно как живые, а в стеклянных ящиках – не живые, отсортированные и каталогизированные, припиленные к картонке булавкой. Называлось это место Музеем естественной истории. В этом же здании располагался Геологический музей со всеми своими метеоритами, алмазами и другими странными и восхитительными минералами, а прямо за углом – Музей науки, где можно было проверить свой слух и насладиться осознанием того, насколько лучше взрослых ты слышишь.

Определенно, это было лучшее место на земле!

В Музее естественной истории, по моему убеждению, не хватало лишь одного экспоната – единорога.

Точнее двух – единорога и дракона. И еще вервольфов – непонятно, почему в Музее естественной истории их обошли вниманием? Я так хотел узнать о вервольфах побольше!

Кроме того, в витринах не имелось ни одного вампира в роскошных одеждах, хотя летучие мыши-вампиры были представлены. И совсем не было русалок, ни одной – я проверял! Грифоны и мантикоры тоже отсутствовали.

Тот факт, что на выставке не было феникса, меня не удивлял. Я знал, что в данный момент на свете может существовать лишь один феникс – разумеется, живой, а Музей естественной истории заполнен мертвыми существами. Откуда же здесь было взяться фениксу, сами посудите?

Огромные окаменевшие скелеты динозавров и пыльные странные животные в стеклянных витринах, не очень похожие на настоящих, мне нравились.

Правда, по-настоящему я любил живых зверушек, дышащих, теплых и желательно диких. Тех, что прыгали, ползали или просто слонялись по моей реальной жизни. Я всегда радовался встрече с ежиком, змеей, барсуком или маленькими лягушатами, которые каждую весну в один прекрасный день выбирались из пруда через дорогу, и тогда наш сад, казалось, тоже становился живым, наполняясь непрерывной суетой.

Но больше других меня привлекали животные, само существование которых было загадкой, сумеречной тайной: то ли они были на самом деле, то ли нет, и от одной только мысли об этом мир делался волшебным.

Я любил чудовищ.

Огден Нэш, мудрый американский поэт, говорил: «Где чудовище – там чудо».

И я мечтал попасть в Музей сверхъестественной истории.

Мечтал – и в то же время радовался, что его нет.

Вервольфы были чудесны потому, что могли оказаться чем угодно. Если бы кто-то на самом деле поймал вервольфа или дракона, приручил мантикору или загнал в стойло единорога, засунул их в банки, провел вскрытие, – они стали бы реальны, осязаемы и не смогли бы уже жить в туманных местах на границе между явью и миром грез, страной невозможного – единственным местом, по-настоящему имевшим значение.

Такого музея не было.

Тогда – не было.

Но я знал, как и где найти существ, которых бесполезно было искать в зоопарках, музеях или лесах. Они ждали меня в книгах и рассказах, они прятались в буквах алфавита и знаках

препинания. Достаточно было расставить их в верном порядке – и из букв складывались слова, из слов возникали образы всевозможных экзотических чудищ и таинственных незнакомцев. Буквы сплетались в заклипания, которые творили небывалые миры, извлекали из небытия фантастических существ и открывали мне помыслы насекомых, и кошек, и прочих животных.

Связь между животными и словами уходит глубоко в прошлое – например, буква А когда-то была рисунком, изображавшим перевернутую голову быка. Две ножки, на которых стоит А, это его рога, а острая верхушка – нос и морда.

Книга, которую вы держите в руках, населена вервольфами и полна сундуков, хранящих удивительные тайны. Живые и очень опасные чернильные пятна соседствуют здесь с четвероногими чудовищами, змеебогами, солнечными птицами, единорогами, русалками и даже с Ее Величеством Смертью. Эта книга возникла для того, чтобы современный Музей сверхъестественной истории развивался и рос.

Да, Музей сверхъестественной истории существует на самом деле – и вы можете побывать в нем. Его создала одна загадочная и таинственная организация, которая в свое время представила публике «Пиратские магазины» и «Магазины товаров для супергероев», а заодно занимается пропагандой грамотности, курирует целый ряд образовательных программ для детей, предоставляет школьникам место, где они могут делать уроки, и, разумеется, проводит всевозможные семинары и мастер-классы.

Одним словом, купив эту книгу, вы поддерживаете движение «826» – и я вам за это благодарен. И Дэйв Эггерс, соучредитель «826», тоже вам благодарен. И дети, которые участвуют в программах «826», тоже испытывают к вам благодарность. И даже, быть может, кто-то из грифонов или русалок (которые пока что, насколько нам известно, в музее не представлены) тоже скажут вам спасибо, хотя, разумеется, в этом – как и во многом другом – полной уверенности у нас быть не может.

Нил Гейман
Сентябрь 2012 г.

P.S.

Предисловие не должно превращаться в список тех, кому автор выражает благодарность. Очень многие люди тратили свое драгоценное время и дарили свои истории, чтобы эта книга стала возможной, и я благодарен им всем – всем авторам этого сборника и всем-всем, кто так или иначе участвовал в его создании.

Но все-таки я хочу сказать несколько слов о своем соиздателе – Марии Дэвана Хэдли. Она достойна того, чтобы поблагодарить ее отдельно. Мария не только блестящий писатель – она еще и прекрасный организатор, и только ее усилиями наш сборник вышел в срок и в полном составе. Спасибо тебе, Мария.

Гаан Уилсон

Клякса

Пер. С. Силаковой

Гаан Уилсон – художник-карикатурист. От его рисунков у меня мороз по коже. Иногда он сочиняет рассказы. Объединив средства литературы и графики в этом рассказе (название которого совершенно невозможно выговорить, а почему – вы очень скоро поймете), Гаан показал нам воистину немислимое существо.

Однажды утром на скатерти, между тарелкой с тостами и подставкой с вареным яйцом, появилось темное пятно. Откуда оно взялось? Никто не знает. Известно только одно: стоит отвести взгляд от пятна, как оно перебирается на другое место. И в процессе передвижения постепенно растет...

Когда Реджинальд Арчер увидел его впервые, оно было очень простым. Никаких замысловатостей и причуд. Ни малейшего намека на украшательство, даже самого отдаленного и смутного. Выглядело оно так:

Пятно. И больше ничего. Черное, как видите; чуть кривоватое; неказистое, незатейливое пятнышко.

Располагалось оно на ослепительно белой льняной скатерти, на столе, где был сервирован завтрак, в трех с половиной дюймах от подставки для яйца.

Реджинальд Арчер заметил пятно в тот самый момент, когда начал было чистить яйцо.

Его рука замерла, брови сдвинулись. Реджинальд Арчер был холост. Вся жизнь – а было ему сорок три года – он прожил один и любил, чтобы в доме во всем был непреложный порядок. И такие мелочи, как черные пятнышки на столовом белье, сильно раздражали его – пожалуй, даже сверх разумного. Арчер позвонил в колокольчик, призывая Фолкса, своего дворецкого.

Почтенный Фолкс вошел и, заметив, что хозяин мрачнее тучи, осторожно приблизился к нему. Дворецкий откашлялся, склонил голову ровно настолько, насколько диктовали приличия, и, взглянув туда, куда указывал тонкий бледный палец хозяина, тоже узрел пятно.

– Откуда *это* взялось? – спросил Арчер.

Фолкс ненадолго погрузился в глубокую задумчивость, а затем признал, что понятия не имеет, как могло это пятно попасть на скатерть, рассыпался в извинениях и поклялся удалить пятно незамедлительно и навечно. Арчер встал, так и не притронувшись к яйцу в подставке (аппетит у него совсем пропал), и покинул столовую.

По заведенному обычаю, Арчер каждое утро затворялся в своем кабинете и уделял время мелким хлопотам: просмотру накопившейся корреспонденции и финансовым делам. К этому занятию, как и ко всему остальному, он относился щепетильно, превращая его в ритуал: во всем надлежало соблюдать железный распорядок. Итак, он уселся за свой письменный стол – великолепное сооружение из отполированного красного дерева – и потянулся к аккуратной

стопке писем, но тут на листе зеленой промокательной бумаги, которым была застлана вся крышка стола, увидел:

Он побледнел (я не преувеличиваю), снова вызвал дворецкого и был вынужден ждать дольше обычного, прежде чем верный Фолкс наконец явился. На лице дворецкого читалось откровенное смятение.

– Это пятно, сэра... – начал Фолкс, но Арчер прервал его.

– К черту пятно, – рявкнул он, указывая на промокательную бумагу и объект своего возмущения. – *Это* что такое?

Фолкс озадаченно уставился на новое пятно.

– Не знаю, сэра, – сказал он. – Я никогда не видел ничего подобного.

– Я тоже, – процедил Арчер. – И больше никогда не желаю видеть. Убрать!

Фолкс начал осторожно вынимать уголки листа из кожаных креплений на краях столешницы. Арчер раздраженно следил за ним ледяным взглядом. И только теперь обратил внимание на крайне странную гримасу старика. В голове всплыла фраза, которую Фолкс не успел закончить.

– Что вы пытались мне сказать? – спросил он.

Дворецкий поднял глаза, стушевался, не решаясь заговорить. Но все же произнес:

– Это насчет пятна, сэра. Того, что на скатерти. Когда вы ушли, я пошел на него посмотреть, сэра... и... никак в толк не возьму, сэра... оно пропало!

– Пропало? – переспросил Арчер.

– Пропало, сэра.

Фолкс покосился на бумагу, которую за это время успел снять со стола, и ахнул.

– Так же как *это*, сэра! – выпалил он. И, перевернув лист, продемонстрировал, что на его

девственно-чистой поверхности не осталось даже следа. Арчер начал понимать, что в его доме творится что-то странное. Он задумался, его взгляд блуждал в пространстве, и вдруг сфокусировался в одной точке. Фолкс, наблюдавший за хозяином, насторожился.

– Посмотрите вон туда, – проговорил Арчер вполголоса. – На стену...

Фолкс повиновался, втайне озадаченный распоряжением хозяина, но тут же все понял: на обоях, прямо под морским пейзажем, равнодушным ко всем этим тревоблениям, чернело:

Арчер встал и вместе со слугой пересек комнату.

– Что же это может быть, сэр? – спросил Фолкс.

– Не представляю, – ответил Арчер.

Он повернул голову и хотел еще что-то добавить, но, встретившись глазами с дворецким, поспешно оглянулся. Поздно: иллюстрация уже исчезла.

– За ним нужно постоянно наблюдать, – пробормотал Арчер и громко распорядился: – Ищите его повсюду, Фолкс. А когда увидите, *не сводите с него глаз ни на секунду!*

Они начали внимательно осматривать комнату, и буквально через мгновение Фолкс вскрикнул:

– Оно здесь, сэр! На подоконнике!

Арчер поспешил туда и увидел:

– Не выпускайте его из виду! – прошипел он.

Дворецкий застыл, широко раскрыв глаза и разинув рот. Арчер в негодовании сжал левую руку в кулак и начал покусывать пальцы. Что бы ни представляла собой эта тварь, на нее немедленно нужно найти управу. Он не позволит так беспардонно нарушать распорядок жизни в его доме.

Но как отделаться от пятна? Арчер в раздумьях переключился на другую руку. Эта тварь... Как ни больно было это признавать, но факты есть факты – здесь попахивает чем-то *сверхъестественным*.

Может, в доме завелось какое-то гнусное привидение?

Арчер засунул обе руки глубоко, до самых запястий, в карманы брюк. Это говорило о том, что он крайне встревожен, ибо уродливые выпуклости, искажающие силуэт произведений портновского искусства, Арчер ненавидел как ничто другое. Кто разбирается в таких вопросах? Кто мог бы приструнить эту тварь?

И тут его осенило: сэр Гарри Мендифер! Ну конечно же! Они вместе учились в школе – в те времена его одноклассник звался просто Гарри, – а теперь вместе состояли в нескольких клубах. Гарри взялся писать книги, преуспел, а теперь, когда у него денег куры не клюют, увлекся спиритизмом и сделался, пожалуй, одним из самых влиятельных людей в этой области. Сэр Гарри – вот самая подходящая фигура! Если, конечно, его удастся уговорить...

На лице Арчера отразилась мрачная решимость. Он проследовал к телефону и набрал номер сэра Гарри. Оказалось, связаться с ним не так просто, как в прежние времена. Теперь у него было полно подозрительных и скрытных секретарей. Но все же Арчер был старым знакомым, а это совсем другое дело, и вскоре сэр Гарри взял трубку. После традиционных приветствий и светской беседы Арчер перешел к делу, решительно и лаконично описав события

сегодняшнего утра. Может быть, сэра Гарри сочтет возможным заехать сегодня, ведь в таких случаях время – один из важнейших факторов. Получив согласие сэра Гарри, Арчер поблагодарил его со всей теплотой, на которую был способен, и с глубоким вздохом облегчения положил трубку.

Почти в тот же миг он услышал тихий крик, полный страдания. Арчер обернулся и увидел, что старый слуга в отчаянии воздел руки к небесам.

– Я только моргнул, сэра! – дрожащим голосом произнес Фолкс. – Только моргнул!

Этого было достаточно. Стоило остаться без присмотра на
долю секунды, как оно исчезло с подоконника.

Смирившись с неудачей, Арчер и Фолкс возобновили поиски.

Сэр Гарри Мендифер уютно устроился на мягком сиденье своего лимузина и поздравил себя с тем, что минувшей ночью закончил дело о доме викария в Марстоне. Никогда еще он не был так близок к поражению, как в этой опасной истории. Но теперь кости Мяукающей Монашки все-таки обнаружены, и вскоре она упокоится в освященной могиле. Больше никаких обезглавленных детей на фоне корнуоллских пейзажей, никаких причитающих матерей, чьи крики разрывают ночную тишину. Он сделал свою работу, сделал хорошо, и теперь у него есть свободное время на решение прелестной загадки.

Глядя на проплывающие за окном улицы, сэра Гарри закурил сигару. Просто восхитительно, что такой осторожный педант, как старина Арчер, столкнулся с чем-то необъяснимым. Даже самая распланированная жизнь построена на песке – что и требовалось доказать. Где бы вы ни скрывались от бурь, в этом тихом убежище найдется предостаточно потайных люков и дверных панелей с секретом, чердаков, о которых хозяева даже не подозревают, и комнат, которые обнаруживаются неожиданно-негаданно. Почему предусмотрительный Арчер должен быть исключением из правил? Ну вот он им и не был.

Лимузин плавно затормозил перед домом Арчера, и Мендифер, выйдя из машины, с удовольствием оглядел здание. Изящный георгианский особняк принадлежал семье Арчер с момента постройки. Мендифер поднялся по ступенькам и уже собрался постучать, но тут дверь распахнулась и сэра Гарри оказался лицом к лицу с крайне взволнованным Фолксом.

– Ох, сэра, – выдохнул дворецкий жалобным голосом, – как я рад, что вы смогли приехать! Мы не понимаем, что это, сэра, и никак не можем за ним уследить – оно такое проворное!

– Ну, Фолкс, полно вам, – проговорил басом сэра Гарри, входя в вестибюль. Он двигался с неотвратимостью огромного клипера, идущего на всех парусах. – Не может быть, чтобы все обстояло так ужасно!

– Ох, сэра, может, еще как может, – отозвался Фолкс, следуя по коридору в кильватере Мендифера. – Его просто невозможно удержать, сэра, и каждый раз, когда оно снова появляется, оно... оно становится *больше*, сэра!

– В кабинете, верно? – спросил сэра Гарри, открыл дверь и заглянул внутрь.

Однако на пороге он был вынужден остановиться, несколько больше привычного раскрыв глаза, ибо представшая картина поразила даже этого опытнейшего наблюдателя чудес и странностей. Представьте себе прекрасную, изысканно меблированную комнату, которая содержится в идеальном порядке. Представьте, что владелец этой комнаты – сухощавый, довольно высокий джентльмен, безусловно, с рафинированным вкусом одетый. Все это – человек и комната вкупе – незапятнанный образец абсолютного изящества, которое достигается только при

большом богатстве, профильтрованном через многие поколения людей, абсолютно уверенных в своем привилегированном положении.

А теперь представьте себе того самого джентльмена на четвереньках, в углу комнаты: вытаращив глаза, он глядит на стену. А на стене вообразите себе

– Примечательно, – сказал сэра Гарри Мендифер.

– Вот именно, сэра, – простонал Фолкс. – Вот именно!

– Я весьма рад, что вы смогли приехать, сэра Гарри, – проговорил Арчер сквозь зубы, сгорбившись в углу комнаты. – Простите, что я не могу встать, – продолжал он, – но если я отведу взгляд от этой твари или просто моргну, она... О черт, будь она проклята!

мгновенно испарилось со стены. Арчер шумно вздохнул, закрыл лицо руками и грузно сел на пол.

– Не говорите мне, куда оно переместилось, Фолкс, – сказал он. – Я не желаю этого знать. Я вообще больше не желаю о нем слышать.

Фолкс промолчал. Он лишь тронул плечо сэра Гарри своей дрожащей рукой, указал на потолок. Там, почти в самом центре, находилось:

Сэра Гарри нагнулся к уху Фолкса и шепнул:

– Смотрите на него так долго, как только сможете, старина. Постарайтесь его не упустить. А затем своим обычным светским тоном, который представлял собой дружелюбный рык, в полный голос обратился к Арчеру:

– Похоже, у вас тут небольшая заковыка?

Арчер хмуро покосился на него сквозь растопыренные пальцы, осторожно опустил руки и встал. Затем отряхнул одежду, слегка поправил сюртук и галстук:

– Простите меня, сэр Гарри. Боюсь, я позволил этой твари в некотором роде взять надо мной верх.

– Не нужно извинений! – взревел сэр Гарри Мендифер, хлопнув Арчера по плечу. – Тут всякий мог бы занервничать. Я и сам слегка обомлел, хоть и привычен к такой чепухе!

Этот безотказный способ воодушевления присутствующих сэр Гарри отработал на многочисленных сеансах в домах с привидениями и населенных нечистью торфяных болотах. Метод, как всегда, не подвел. К Арчеру почти немедленно вернулось самообладание. Довольный сэр Гарри перевел взгляд на потолок.

– Какого размера было пятно, когда все началось? – спросил он, рассматривая темное... нечто, которое простиралось над ними.

– Размером с пенни, – ответил Арчер.

– Можете описать промежуточные стадии?

– От него отделяются маленькие кусочки. Они разрастаются, от них отделяются другие, и эта дрянь продолжает надуваться, точно воздушный шар, черт ее подери.

– Скверно, – сказал сэр Гарри.

– Я бы сказал, что в ширину оно достигло ярда, – сказал Арчер.

– Да, как минимум ярда.

– Что вы об этом думаете, сэр Гарри?

– По-моему, это что-то вроде растения.

Дворецкий и Арчер раскрыли рот от изумления.

моментально исчезло.

– Простите меня, сэр, но... – ошарашенно проговорил дворецкий.

– Как это «растение»? – воскликнул Арчер. – Сэр Гарри, оно никак не может быть растением. Начнем с того, что оно совершенно плоское.

– Вы дотрагивались до него?

Арчер презрительно фыркнул:

– Я вряд ли стал бы...

Дворецкий учтиво кашлянул:

– Джентльмены, оно на полу.

Все трое задумчиво посмотрели вниз. Теперь в самом широком месте тварь была чуть больше четырех футов.

– Обратите внимание, – сказал сэр Гарри, – что сквозь черноту не просвечивает фактура ковра. Следовательно, эта субстанция не похожа на краску или чернила. Структура ее поверхности не зависит от других предметов.

Он наклонился – на удивление грациозно для человека таких размеров, – достал из кармана карандаш и потыкал им существо. Карандаш, погрузившись в черноту примерно на четверть дюйма, уперся во что-то твердое. Сэр Гарри вонзил карандаш в другое место – уже на дюйм с небольшим.

– Вот видите, – сказал он, разогнувшись, – на самом деле у него сложное строение. Видим его мы всего лишь двумерным, но с помощью осязания можем понять, что оно трехмерное. Из этого следует, что ваше растение занесло к нам из какого-то другого мира с иным набором измерений, понимаете? Рискну предположить, что изначальное пятно было семечком. Я достаточно ясно выражаюсь? Вы меня понимаете?

Арчер понимал не все, но довольно удачно изобразил обратное.

– Но почему эта гнусная растительность заявилась сюда? – спросил он.

Похоже, сэр Гарри знал ответ и на это, но Фолкс прервал его, разгадка так и осталась в тайне.

– О, сэр! – вскричал дворецкий. – Оно снова пропало!

И верно – ковер у ног всех троих был абсолютно чист.

Нервно встрепенувшись, все огляделись по сторонам, но от непрошеного гостя не было и следа.

– Может, снова в столовой? – предположил сэр Гарри.

Но поиски результатов не принесли.

– Нет оснований предполагать, что оно ограничится двумя комнатами, – проговорил сэр Гарри, задумчиво покусывая губу. – Или даже всем домом.

Фолкс, стоявший ближе всех к дверям в коридор, вдруг слегка пошатнулся и глухо застонал. Арчер и сэр Гарри обернулись и взглянули туда, куда указывал старик.

В коридоре напротив двери, растянувшись по полосатым обоям, темнело

– Сэр Гарри, – сказал Арчер срывающимся голосом, – это уже переходит все возможные границы. Нужно что-то делать, иначе эта гадость захватит весь дом, черт подери!

– Не сводите с него глаз, Фолкс, – сказал сэр Гарри, – что бы ни случилось.

И обернулся к Арчеру:

– Я доказал, что пятно материально, а значит, с ним можно справиться. Найдется ли у вас какой-нибудь большой режущий инструмент? Мачете или что-то вроде того?

Арчер ненадолго задумался, затем приободрился, оставаясь при этом мрачным:

– У меня есть крис¹.

– Несите.

Арчер вышел из комнаты, сжимая и разжимая кулаки. Достаточно долгое время он отсутствовал, а затем раздался его голос:

– Никак не вытащу! Тут крепление, черт бы его подрал!

– Сейчас помогу, – отозвался сэр Гарри. Он обернулся к Фолксу, который замер у стены, точно верный пойнтер на охоте. – Смотрите в одну точку, почтенный, – велел он. – Буравьте эту тварь взглядом!

Крис, привезенный как военный трофей дедом Арчера, был примотан проволокой к специальной подставке. Сэр Гарри и Арчер потратили добрых две минуты, чтобы высвободить оружие из причудливых изгибов. Они выбежали в коридор и остановились в полной растерянности.

¹ Крис – индонезийский или малайский нож с асимметричным клинком. – *Здесь и далее прим. перев.*

нигде не было видно, но хуже всего было то, что исчез Фолкс! Арчер и сэр Гарри испуганно переглянулись и начали громко звать дворецкого. Никакого результата.

– Что это может быть, сэр Гарри? Господи ты боже мой, что тут случилось?

Сэр Гарри Мендифер не отвечал. Он держал крис перед собой, стиснув рукоятку, и торопливо осматривался; Арчер, к своему ужасу, увидел, что его одноклассника, этого исполина, бьет дрожь. Немного погодя сэр Гарри сделал над собой заметное усилие, и его лицо снова стало невозмутимым.

– Мы должны его найти, Арчер, – взревел он, воинственно выпятив нижнюю челюсть. – Найти и прикончить. Ситуация критическая. Если оно опять ускользнет, у нас, скорее всего, не будет другого шанса!

Они прочесали первый этаж – сэр Гарри при этом шел впереди, – но ничего не обнаружили. Поиски на втором этаже тоже оказались тщетны.

– Нам остается лишь молить Бога, – сказал сэр Гарри, поднимаясь на третий этаж, – чтобы эта тварь не покинула дом.

Арчер, запыхавшись от страха, пошатываясь, брел следом:

– Сэр Гарри, может быть, тварь просто вернулась туда, откуда пришла?

– Теперь уже едва ли, – вздохнул сэр Гарри. – Только не после Фолкса. Похоже, ей пришелся по вкусу наш уютный мирок.

– Но что же она собой представляет? – спросил Арчер.

– Я же говорил: растение, – ответил исполин, распахнул дверь и заглянул в комнату. – Растение определенного вида. Здесь, в нашем измерении, тоже встречаются такие.

Арчер начал догадываться, что имеет в виду его друг. Сэр Гарри открывал двери, одну за другой. Напрасно. Оставался только чердак. Они поднялись по узкой лестнице. Сэр Гарри шагал в авангарде, высоко держа крис в вытянутой руке. Арчер настолько ослаб, что еле-еле поднимался, хватаясь за перила. При каждом вздохе из его уст вырывался почти беззвучный всхлип.

– Оно ведь плотоядное, правда? – прошептал он. – Да, сэр Гарри?

Сэр Гарри, прикоснувшись к ручке маленькой двери, развернулся к своему спутнику.

– Верно, Арчер, – сказал он. В этот момент дверь за его спиной незаметно распахнулась. – Это хищник.

Е. Лили Ю
Осы-картографы и пчелы-анархисты
Пер. М. Тогобецкой

Я держу пчел.

Ну, во всяком случае, в моем саду семь ульев с пчелами (да, мед великолепен, и да, меня жалают, но не очень часто).

Самое удивительное в этом рассказе то, что изложенная в нем история отношений пчел и ос вполне достоверна (Е. Лили Ю знает своих пчел) – и при этом сверхъестественна. Лили получила премию Джона Кэмпбелла в номинации «Лучший молодой автор». Кроме того, она поет в лифтах.

В этом рассказе мы встретим ос Йивея, делающих карты, и колонию пчел, которых осы считают своими рабами.

* * *

С давних времен – таких давних, что уже и не упомнит никто, – по всей деревеньке Йивей, в орхидеях и под карнизами, висели бумажные шары цвета глины, в которых гудели и жужжали осы. Много лет жители деревни поддерживали неустойчивый мир в этом соседстве, упражняясь в несравненном такте и бдительности. Но этому пришел конец в тот день, когда один мальчик, копаясь в прибрежном песке, нашел камень, который показался ему очень подходящим. С таким камнем, думал он, вполне можно рассчитывать на успех в битве с воробьем. Воробьев вокруг было не видно, но неподалеку призывно и низко висел бумажный шар. Мальчик подумал с минуту, склонив голову, а потом прицелился и швырнул камень.

Немного позже, натерев сына мази и утешив его, мать поливала упавшее гнездо кипятком до тех пор, пока все ошпаренные осы не погибли. Тогда и обнаружилось, что если осиное гнездо опустить в горячую воду, то оно развернется в превосходной точности карту далеких и близких областей, нарисованных растительными красителями и подписанных на чистом китайском языке (в чем можно было убедиться, вооружившись микроскопом).

Последовавшее за этим открытием нашествие на осиные гнезда людей в защитных масках и с чайниками, полными кипящей воды, вскоре сократило процветающую популяцию ос до жалкой горсточки. Под предводительством последней Осы-основательницы выжившие особи вылепили новое гнездо в форме бумажной лодки, нагрузили его падалицами абрикосов и пресованной пылью и спустили на реку. Коровы и человеческие дети провожали их, когда они сплавлялись вниз по течению, тоненько и воинственно жужжа морские песни.

Наконец в сорока милях к югу их судно напоролось на торчащий сук и потонуло. Но из отважных путешественников лишь один погиб при эвакуации – остатки абрикоса оказались слишком тяжелыми, и он не смог выбраться из-под них.

Остальные собрались на пне и огляделись.

– Это хорошее место для лагеря, – сказала Основательница своим мягким сопрано, изучая первые грубые карты, принесенные разведчиками. – Здесь множество гусениц, дубов для изготовления чернил, плодоносной ежевики – и никаких признаков других ос. А на раздваивающемся дереве в двух милях отсюда расположен улей диких пчел. Когда мы устроимся, то, конечно, отправим делегацию собрать дань.

– Мы не повторим прежних ошибок! – продолжила она вдохновенно. – Мы раса исследователей и ученых, картографов и философов, а отдых и безделье – это смерть. Когда мы устроимся здесь, то начнем расширяться!

Постройка бумажных яслей заняла две недели, еще месяц ушел на реконструкцию Великой библиотеки и восстановление картотеки – в нее заносилось то, что старейшие картографы могли вспомнить из своих утраченных карт.

Разумеется, их деятельность не могла остаться незамеченной.

Посол пчелиного роя прибыл с ультиматумом – и был незамедлительно казнен: его крылья стали витражным окном в зале совещаний, а его жало было возвращено в улей в бумажном конверте. Следующий посол никаких ультиматумов не приносил, а прибыл с предложением поделить пчелиное королевство между двумя правительствами, сохраняя за пчелами права на пыльцу и воду. «Как признание заведомых прав свободных особей на природные ресурсы общественной территории», – неуверенно прожужжал он.

Осы из совета были снисходительны – они лишили его только кончика жала. И он прожил как раз достаточно, чтобы доставить в улей свое сообщение.

Третий посол прибыл с шариком воска на кончике жала и был принят куда дружелюбнее.

– Вы же понимаете, что мы не беженцы, желающие признания формального земельного правления, – сказала Оса-основательница, пока слуги подавали им нектар в бумажных рожках, – а также не ведем с вами переговоры на равных. Это ваши предшественники так думали – и они ошибались.

– Я надеюсь, что справлюсь лучше, – натянуто сказала пчела-дипломат. Она была старше других, и волоски на ее тельце были уже жидкими и полинявшими.

– Я тоже на это надеюсь.

– В отличие от них у меня есть официальные полномочия говорить от лица улья. У вас есть предложения к нам – это достаточно ясно. Мы готовы слушать.

– Что ж, хорошо. – Оса-основательница осушила свой рожок и взяла следующий. – Ваше сообщество древнее и обладает высокой культурой, несмотря на леность вашего правителя; впрочем, эту леность мы считаем скорее расовой, нежели персональной склонностью. У вас есть законы и народные танцы, математика и принципы, которые мы, конечно, уважаем.

– Ваши условия, пожалуйста.

Оса-основательница улыбнулась:

– Поскольку в здешних краях имеется достаточная популяция моли тусса, которую мы предпочитаем для разведения, у нас нет нужды в чем-то столь недемократичном, как рабство. Если вы воздержитесь от мятежей, то сможете сохранить собственное правление. Но мы будем забирать пятую часть ваших запасов в обычный год, десятую – в засушливый. И каждую сотую личинку.

– В качестве еды? – Антенны пчелы-посла задрожали от сдерживаемого отвращения.

– Только если еда в дефиците. А в мирное время они будут выращены среди нас, обучены нашему укладу жизни и искусству, чтобы служить чиновниками среди вас. Это в ваших же интересах, вы позже в этом убедитесь.

Пчела-посол помолчала мгновение, глядя в пространство перед собой. Потом задумчиво произнесла:

– Десятую часть в хороший год...

– Наши условия, – перебила Оса-основательница, – не подлежат обсуждению.

Стражники поменялись местами, демонстративно брэнча пластинами своих доспехов и сверкая кончиками своих жал.

– У меня нет выбора, не так ли?

– Есть. Вы можете выбирать между порабощением и сотрудничеством, – сказала Оса-основательница. – Я имею в виду – ваш улей. Вы лично, конечно же, можете выбрать что-то еще, но у них десятки тысяч вам на замену.

Пчела-посол склонила голову.

– Я стара, – сказала она. – Я служила улью всю жизнь, всеми доступными мне средствами. Я предана своему улью и сделаю то, что для него будет лучше.

– Это радостно слышать.

– Я прошу вас – я умоляю вас! – подождать всего три или четыре дня, прежде чем вы начнете действовать согласно вашим намерениям. К тому времени я буду мертва и не увижу, как мои сестры становятся рабами.

Оса-основательница с щелчком свела лапки:

– У вас принято откладывать насущные дела на потом? У нас такое не приветствуется. Вы обязательно удостоитесь чести увидеть, как мы вознесем ваших сестер на такие моральные и технологические высоты, которых вы не могли и представить.

Пчела-посол вздрогнула.

– Возвращайтесь к своей Королеве, дорогая, и передайте благую весть.

Сообщение вызвало кризис конституционной монархии. В шестом районе даже разгорелся бунт, и, прежде чем он был жестоко подавлен, восставшие успели уничтожить королевские воскодельни и повалить монументы из мышиных костей. Королеву пришлось успокаивать большими дозами желе, после того как она разрыдалась на груди своего премьер-министра.

– Ваше Величество, – сказал один из министров. – Это не ваша забота, прошу вас, успокойтесь.

– Это мои дети! – возразила она, всхлипывая. – Вы бы тоже им сочувствовали, будь вы матерью!

– К счастью, я не мать, так что перейдем к делам.

– О войне не может быть и речи, – сказал другой министр. – Их силы нас намного превосходят.

– Но наше численное преимущество триста к одному!

– Они опытные воины – не менее шестидесяти наших бойцов погибнут за одного чужого. Возможно, нам удастся их прогнать, но ценой потери большей части населения улья и даже, возможно, Королевы...

Королева вновь громко разрыдалась, и ее опять пришлось умыть и успокаивать.

– Так у нас есть хоть какие-то варианты?!

Ответом на этот вопрос была тишина.

– Что ж, очень хорошо.

Осиное руководство развесило вокруг улья условия взаимоотношений на маленьких бумажных табличках, вдавленных в воск и прополис. Поскольку бумага и чернила для пчел были в новинку, они терлись вокруг них, трогая и пробуя на вкус законы, пока бумага не развалилась на кусочки. Отправленные наблюдать и охранять указы осы не очень обрадовались этому – погибли несколько мирных жителей, прежде чем удалось выяснить, что пчелы не читают на языке йивей.

Тогда химикам из улья поручили смешать феромоны и создать чернила, которыми можно закодировать условия договора. Их нанесли на бумагу, чтобы оба вида могли изучить их и уразуметь отношения двух государств.

До осинового вторжения жизнь в улье была оживленной и насыщенной, все его обитатели много трудились, но были в целом довольны, а теперь пчел охватило отчаяние. Ни на что, кроме работы, времени не оставалось, ведь нужно было собирать достаточно нектара и для улья, и для осинового гнезда. Улетая все дальше и дальше от дома в поисках нектара, пчелы перестали петь. И танцевали они теперь, сообщая о своих находках, мрачно и безрадостно. Даже Королева исхудала и была измучена необходимостью увеличивать численность потомства, и некоторые министры, разбиравшиеся в подобных делах, начали кормить королевским желе самую сильную личинку – на всякий случай.

Тем временем осы отъедались и набирали силу. Целая экспедиция филологов, картографов, ботаников и солдат отправилась по реке в маленьком плавучем гнезде, законопаченном пчелиным воском и нагруженном сотами в качестве провианта, чтобы составить карты неизведанных южных земель. Вернувшиеся принесли восхитительные карты, где синими и фиолетовыми чернилами были обозначены города, а также фермы и популяции других ос. После тщательного изучения Осой-основательницей и ее генералами эти карты были аккуратно убраны в архивы Великой библиотеки – до планируемого выдвижения на юг в следующем году.

Усыновленных личинок пчел осы сначала собирались обучать клерикальным наукам, но, когда было установлено, что их можно научить грамоте, решено было использовать их в некоторых разведочных миссиях. Самые выдающиеся ученики, одаренные в тригонометрии и геометрии, обучались вместе с осиными картографами – и многие из них зарекомендовали себя ценными помощниками. Они привыкли не замечать толстых зеленых гусениц на серебряных цепях или мертвых пчел, шедших на корм осиному помету. Так было легче.

Когда умерла старая Королева, они не скорбели.

Началом катастрофы стало то, что одна из выученных на помощника картографа пчела оказалась анархистом.

Возможно, это произошло из-за слишком сильного политического давления на улей, а возможно – по чистой случайности; как бы то ни было, эта мутация оказалась жизнеспособна. Пчела-анархистка спрятала приличное количество своих яиц в пчелином воске и осинной бумаге между отделениями в библиотеке и втайне кормила личинок молоком и хлебом. Своим сыновьям, лежавшим в шелковых закрытых люльках – а они все были сыновьями! – она нашептывала принципы, которые разработала, рассчитывая траектории полетов и азимуты: что не должно быть ни Королевы, ни государства и что, как в осинном гнезде, мужчины должны трудиться и приносить пользу наравне с женщинами. В своем сне и медленной трансформации они слушали ее наставления и инструкции, а потом, когда прогрызли путь наружу из своих ячеек и из осинового гнезда, они добрались до пчелиного улья.

Нанесенный осинному гнезду вред, конечно, в конце концов был обнаружен, но к тому времени пчела-анархистка уже умерла от старости. «Она выполняла свою работу безукоризненно, – вздохнул ее наставник, глядя на сделанные ею филигранные надписи на картах, – но талантливые особи часто бывают склонны к психическим отклонениям, не так ли?» Он похоронил в ворчанье и трудах ставшую для него большим несчастьем и политической помехой любовь к ученице, и никогда больше не брал из улья студентов, проявляющих хоть малейшие признаки одаренности.

Двадцать сыновей пчелы-анархистки совершенно свободно передвигались по всему улью, несмотря на то что их принадлежность к осинному гнезду была очевидна, – все решили, что они либо шпионы, либо прибыли по официальному делу. Когда из своих покоев вышла новая Королева, они незаметно присоединились к другим трутням в брачном танце. Двоим удалось совокупиться с ней. Те выжившие, которым не удалось, потом тихими голосами рассказывали о том, что было сделано во имя высокой цели. Перед смертью они взяли прополис и чернила из дубового орешка и записали на стенах улья историю о первой пчеле-анархистке и ее двадцати сыновьях, используя стенографические значки собственного изобретения.

Поскольку анархизм у пчел передается по наследству, немало дочерей новой Королевы начали подвергать сомнению идею монархии. Двоих из них осы забрали в гнездо и обучили грамоте. Однажды, находясь с визитом в улье, они обнаружили на его стене историю своих предков и, будучи превосходными учеными, быстро расшифровали значки и сделали перевод.

Они разыскали в улье своих сестер – мятежниц в душе – и шепотом делились с ними удивительными знаниями, полученными у ос: астрономией, военной стратегией, устройством мира там, куда не долетела бы ни одна пчела. Пчелы, которых до этого обучали быть только танцовщицами и архитекторами, няньками и фуражирами, были полны нового, прекрасного чувства – даже более восхитительного, чем то, что они испытали, впервые вылетев из улья и подставив свои спинки солнечным лучам.

– Правьте нами, – сказали они двум осиным воспитанницам-анархисткам, но те отказались.

– Идеальному обществу не нужны правители, – ответили они. – Знания и власть должны принадлежать всем. Чтобы создать новую жизнь, мы должны освободиться как от нашего ослабшего правительства, так и от непростительной гегемонии осиных гнезд. Прислушайтесь ко всему, что можете услышать, и учитесь всему, чему можете научиться, пока мы остаемся здесь. Но будьте готовы.

С незапамятных времен это было первое лето без гудения ос-картографов в Йивее. В садах под деревьями нетронутыми валялись упавшие фрукты, хотя шкурки их лопались от спелости, а дети безнаказанно играли босиком.

Дочь одного из жителей деревни, которая училась в сельскохозяйственном колледже на третьем курсе, вернулась домой на каникулы в конце июля. Она с силой ударила своим един-

ственным чемоданом по воротам, прежде чем открыть их, чтобы разогнать кур, а потом подняла щеколду и чуть повернула вбок – и в тот же момент оказалась в крепких объятиях родных.

Высвободившись и щедро одарив поцелуями брата и родителей, она выслушала новости о событиях, которые пропустила: как коровы умирали, напившись воды из ручья, отравленного пылью от работы каменотесов; как неудержимо падали цены на пшеницу, несмотря на засуху; и как ее братец, вот же маленький дурачок, швырнул камнем в осиное гнездо и поплатился за это – все лицо у него потом долго было в красных вспухших шишках. Одна из самых подробных осиных карт попала в столицу, рассказали ей, и в деревню прибыл какой-то важный чиновник на блестящей черной машине. Но из-за того, что все осы погибли, он не смог ничего выяснить и вынужден был доложить, что все это не иначе как чья-то неумная шутка, фокус или чудо. Дальнейших расследований не проводилось.

Брат с гордостью продемонстрировал ей несколько хрупких обваренных ос, которых хранил в стеклянной банке вместе с одной из маленьких карт. Девушка щекотала брата, пока тот не отказался от своих трофеев, и пообещала ему взамен целую корзину персиков. Некоторое время она напряженно размышляла, а потом, к вящей тревоге своей семьи, написала срочное письмо в Академию наук, собрала в рюкзак свои вещи, взяла и немного денег. Если удастся найти еще хотя бы одно гнездо ос, сказала она, это принесет им целое состояние, а ее имени – славу. Но только все нужно делать очень быстро.

На следующее утро, когда небо было еще фиолетовым и даже петухи не подавали никаких признаков жизни, она запрыгнула на свой старый велосипед и покатила вперед по пыльной дороге.

Пчелы не летают по ночам и не лгут друг другу, но анархисты научились у ос и тому и другому.

Теплым ясным вечером они наконец покинули улей, полетев на запад маленьким плотным облачком. Вокруг них то усиливались, то затихали голоса летних насекомых, чарующие и волнующие душу. В нескольких милях на запад от старого улья и осинового гнезда, в старом, расщепленном молнией вязе, анархисты прятали краденый мед, запакованный в воск и бумагу. Они заночевали там, в ячейках чисто-белого воска, и утром проснулись, чтобы начать строить свой город.

Главной задачей новой колонии было отложить и надежно укрыть яйца, к чему приступило множество рабочих, а также заготовить провизию на зиму. Один из анархистов принес во рту яйцо старой Королевы, из которого успешно вывели новую. Некоронованная и беззаботная, она наравне со всеми тоже клала строительный раствор и воск, жевала дерево для создания бумаги и обмахивала кладовые крыльями.

Анархисты работали тайно, но быстро, даже трутни наравне с рабочими пчелами, потому что медный привкус осени уже ощущался в воздухе. Никто из них никогда еще не видел зимы, но генетическая память не давала им покоя, и, несмотря на теплое, пока еще летнее солнце, они чувствовали надвигающуюся тьму.

Цветы в полях постепенно увядали. Каждый день анархисты пополняли свою казну теплым золотом и поднимали белые стены выше. С каждым днем воздух и трава становились немного суше. Пчелы-анархисты пели за работой – иногда баллады из старого улья, иногда гимны своего собственного сочинения – и были по-настоящему счастливы.

Неожиданно быстро листья приобрели огненный цвет и слетели с деревьев, и тогда не стало больше цветов. Анархисты закрыли плотнее крышку последней кадки с медом и стали гадать, что будет.

В четырех милях от них, при первом прикосновении холода, осы наглухо законопатили свои бумажные двери и улеглись плотным кольцом вокруг Осы-основательницы – спать. А пчелы в обоих ульях не спали и ежились, пытаясь согреться трепетом крыльев.

Анархисты тихо жужжали, успокаивая друг друга:

– После нас будут другие. И они оставят свое потомство.

– Мы – это только начало.

– Будут следующие.

Снаружи тихо падал снег.

Снега было по шиколотку, и река замерзла, когда девушка из Йивея забралась вверх по пустым ветвям дуба и сорвала бумажный осиный замок. Осы, сонные от холода, зажужжали, но не всполошились. Солдатам в казармах снился неизведанный юг, битвы в диковинных городах среди диковинных жителей, а разведчикам снились замороженные трупы умерших от голода оленей. Картографам снились все изменения, которые зима могла внести в ландшафт, отклонившиеся от привычного устья речушки и упавшие деревья, которые нужно будет нанести на карты. Они все спали и ничего не почувствовали: ни того, как их довольно грубо сунули в плотный мешок, ни того, как хрустнули на замерзшей дороге шины велосипеда.

Она потратила недели, бродя по округе, расспрашивая пчеловодов и деревенских детей, вглядываясь в деревья и ульи, прежде чем нашла последних ос из Йивея. Потом ей пришлось дожидаться зимы и холода, который вогнал ос в анабиоз. А теперь, оказавшись в тепле своей комнаты, она развернула мягкие страницы гнезда и, роясь в куче сонных сверкающих ос, наконец нашла саму Осу-основательницу, которая спросонок нетвердо стояла на ногах.

Отогревшись, она даст жизнь новым основательницам среди абрикосовых деревьев деревни.

Девушка получила письма, свидетельствовавшие о большом спросе на этих ос в столице, в особенности у армейских генералов и руководителей научных исследований. Годы спустя деревня Йивей прославится своими изящно нарисованными картами, с подписями столь мелкими, что они почти не видны, а вовсе не своими ячменем и овсом или бархатными персиками и сахарными грушами.

Проснувшись весной, старый улей обнаружил, что осы исчезли – как днем растворяется ночной кошмар. В это было трудно поверить, но, когда не удалось обнаружить даже малейшего клочка осиной бумаги, весь улей запел от радости. Даже Королева, которую с детства воспитывали в уважении к осам и к условиям ее правления и которая, возможно, испытывала к осам больше симпатии, чем должна была, прочистила горло и вывела трель или две. Если она и не пела так же громко и радостно, как остальные, то мало кто это заметил, да и зима все-таки была трудной.

Карты исчезли вместе с осами.

Их решили больше не делать. Те, кто учился среди ос, начали составлять меморандум и готовить первые независимые от Королевы и совета постановления. Чтобы защититься от будущих вторжений, было решено, что пчелиные отряды будут летать к границам земель и приносить домой доклады о том, что обнаружат.

Один из этих патрулей и обнаружил маленький улей в расщепленном вязе. Лежавшие в нем пчелы были мертвыми и хрупкими, Королеву среди них опознать не удалось. На складе не осталось ни следа меда; даже темный воск его стен был обглодан, даже ячейки с пометом были начисто вылизаны.

Но в последних нетронутых шестиугольниках разведчики нашли свернутые и запечатанные воском исписанные небрежным и не слишком разборчивым почерком страницы – это были слова революции.

Разведчики читали молча.

А потом...

– Пиши, – сказала одна пчела-разведчик другой.

И та начала писать.

Фрэнк Р. Стоктон

Грифон и Младший Каноник

Пер. С. Силаковой

Впервые я прочел этот рассказ в детстве, и мне накрепко врезались в память его оптимистичность, мягкий юмор и отношения между двумя главными героями. Его автор, американский писатель-юморист Фрэнк Р. Стоктон, лучше всего известен благодаря рассказу «Невеста или тигр?»

Однажды в небольшой городок прилетел Грифон. Он решил там обосноваться и прибил к Младшему Канонику – местному священнику, которому было поручено помешать Грифону питаться горожанами. Зверь уверяет, что пока никого есть не собирается, потому что проголодается только к Равноденствию, но этот день все ближе и взволнованные горожане решают взять дело в собственные руки...

* * *

В одной далекой стране, в тихом городке, в старой-старой церкви, над огромными дверями была статуя большого Грифона, изваянная из камня. Древний скульптор выполнил свою работу очень тщательно, но созданная им фигура не радовала глаз. Голова у грифона была громадная, с широченной разинутой пастью и свирепо оскаленными зубами; большие крылья с острыми крюками и зубцами расправлены за спиной, две мускулистые передние лапы с выпущенными когтями выставлены вперед; задних лап у него не было. Торс переходил в длинный мощный хвост, свернутый кольцами, – на нем грифон сидел, и торчащий кончик хвоста, увенчанный зазубренным шипом, достигал основания крыльев.

Очевидно, скульптору (а может быть, заказчиком) скульптура нравилась, ибо ее маленькие копии, тоже из камня, украшали боковые стены в нескольких местах на небольшой высоте, так что люди могли легко их рассмотреть и призадуматься над необычайным сложением этих существ. На стенах церкви с наружной стороны было множество других скульптур: и святые, и мученики, и гротесковые человечьи головы, и звери, и птицы, и прочие существа, которых мы перечислить не можем, ибо никто доподлинно не знает, кто они такие, – но не было более примечательных и интересных скульптур, чем огромный грифон над дверями и маленькие грифончики на боковых стенах.

Очень, очень далеко от этого городка, посреди мрачной пустоши, почти неведомой людям, обитал тот самый Грифон, чье изваяние возвышалось над входом церкви. Вероятно, древний скульптор однажды случайно увидел диковинное существо, а после изваял из камня по памяти. Грифон ничего об этом не знал, пока, спустя несколько сотен лет, не услышал то ли от птицы, то ли от какого-то дикого животного, то ли еще каким-то способом – теперь это уже невозможно выяснить, – что в старой церкви далекого городка есть его подобие. Надо сказать, что этот Грифон не имел никакого понятия о собственной внешности. Зеркала ему никогда не попадались, а реки в местах, где он жил, были такими бурными и яростными, что невозможно было отыскать тихую заводь, которая отражала бы хоть кого-нибудь, кто в нее гляделся. Судя по всему, Грифон был последним в своем роду и никогда не видывал других Грифонов. Потому-то, прослышав о своем каменном изображении, он решил добраться до старинной церкви и узреть своими глазами, что же он за существо. Он покинул свою дикую мрачную пустошь и летел без передышки, пока не прибыл в края, где живут люди. Его появление в небе вызывало ужас, но Грифон нигде не приземлялся, а летел размеренно и ровно, пока не добрался до предместий городка, где над дверями церкви находилось его изваяние. Здесь-то, под вечер, он опустился на зеленом лугу у ручья и прилег на траву отдохнуть. У него устали крылья, ибо таких дальних перелетов он не совершал лет сто, самое малое.

Весть о его появлении быстро разлетелась по городу, и жители, почти обезумев от испуга, разбежались по домам и заперлись на все засовы. Грифон громко закричал, призывая к себе кого-нибудь, но чем дальше он звал, тем сильнее люди боялись показаться. Наконец он заметил двух батраков, которые торопились домой по полям, и грозным голосом велел им:

– Стойте.

Батраки не решились послушаться и, дрожа, замерли на месте.

– Что с вами всеми такое? – воскликнул Грифон. – Разве нет в вашем городе человека, у которого хватит храбрости поговорить со мной?

– М-может быть, – пролепетал один из батраков почти неразборчиво, срывающимся голосом, – м-может быть... Мл-мл... Младший... К-к-каноник... и п-по-шел бы...

– Так ступайте и позовите его! – отвечал Грифон. – Я желаю его видеть.

Младший Каноник, занимавший одну из низших должностей в церкви, только что закончил дневную службу и выходил из боковых дверей в сопровождении трех старушек – всей паствы, которая присутствовала на службе в будний день. Младший Каноник был молод, сердечен и всей душой стремился делать добро горожанам. В свободное от своих церковных обя-

занностей время, где он всякий будний день служил обедню, он посещал больных и бедняков, помогал советом и делом людям, попавшим в беду, а также преподавал в школе для непослушных детей, с которыми никто другой не желал иметь никакого дела. Всякий раз, когда горожанам хотелось взвалить на кого-то какую-нибудь трудную работу, они непременно шли к Младшему Канонику. Вот почему батрак вспомнил о молодом священнике, узнав, что Грифон зовет кого-нибудь к себе для разговора.

Младший Каноник еще ничего не слышал о странном событии, которое переположило весь город – все, кроме него и трех старушек, были уже в курсе происходящего, – поэтому, когда его известили обо всем и сообщили, что Грифон зовет его к себе, он чрезвычайно изумился и испугался.

– Меня! – воскликнул служитель церкви. – Он же никогда обо мне не слышал! Зачем я мог ему понадобиться?

– О, идите же, идите скорей! – закричали два батрака. – Он и так страшно рассердился, что его заставляют ждать; никому не ведомо, что стрясется, если вы к нему не поспешите.

Бедный Младший Каноник скорее дал бы руку на отсечение, чем пошел на встречу с рассерженным Грифоном, но счел это своей обязанностью – негоже, если жителей города постигнет беда, оттого что у Младшего Каноника не хватило духу повиноваться зову Грифона.

Бледный и испуганный, он отправился на луг.

– Что ж, – произнес Грифон, когда молодой человек приблизился, – я рад видеть, что нашелся храбрец, который смог ко мне прийти.

Младший Каноник совершенно не чувствовал себя храбрецом, но учтиво поклонился.

– Тот ли это город, – спросил Грифон, – где над дверями церкви есть фигура, похожая на меня?

Младший Каноник оглядел ужасное чудовище перед собой и увидел, что оно, несомненно, во всем походит на каменную фигуру у церкви.

– Да, – сказал он, – вы совершенно правы.

– Раз так, – проговорил Грифон, – не проводишь ли ты меня к ней? Я желаю ее увидеть.

Младший Каноник сообразил, что, если Грифон появится в городе, а люди не будут знать о цели его визита, некоторые наверняка умрут со страху, и попытался выиграть время, чтобы оповестить горожан.

– Уже смеркается, – заговорил он, хоть и опасался, что его слова могут вывести Грифона из себя, – и скульптуры на фасаде церкви невозможно разглядеть отчетливо. Лучше подождать до утра, если вы хотите как следует рассмотреть ваш каменный портрет.

– Так и быть, – ответил Грифон, – я вижу, ты человек рассудительный. Я устал и посплю здесь, на мягкой траве, а заодно остужу хвост в ручейке, который течет неподалеку. Когда я злюсь или волнуюсь, кончик моего хвоста раскаляется докрасна, и сейчас он нагрелся довольно сильно. Можешь удалиться, но смотри, обязательно приходи завтра утром и покажи мне дорогу к церкви.

Младший Каноник радостно откланялся и поспешил в город. У входа в церковь он встретил толпу горожан, которым не терпелось узнать, чем закончилась встреча с Грифоном. Когда люди поняли, что зверь прилетел не для того, чтобы опустошить и разрушить город, а всего лишь посмотреть на свой каменный портрет на фасаде церкви, то не испытали ни благодарности, ни чувства облегчения – напротив, накинулись на Младшего Каноника с упреками: мол, зачем согласился привести чудовище в город?

– Что же я мог сделать? – воскликнул молодой священник. – Если бы я отказался его привести, он прилетел бы сам и, возможно, поджег бы город своим докрасна раскаленным хвостом.

И все же люди остались очень недовольны и предлагали множество планов, как не пустить Грифона в город. Некоторые старики призывали молодых парней пойти на луг и убить Гри-

фона, но молодежь встретила эту неразумную идею насмешками. Тут кто-то сказал, что хорошо бы разбить каменное изваяние, чтобы Грифону незачем было идти в город. Это предложение было встречено столь благосклонно, что многие сразу же побежали за молотками, зубилами и ломками, намереваясь сбросить каменного грифона на землю и разбить на части. Но Младший Каноник всеми силами воспротивился этому замыслу. Он убеждал народ, что этот поступок безмерно разозлит Грифона, ибо от зверя будет невозможно скрыть, что за ночь его портрет уничтожили. Однако люди твердо вознамерились разбить каменного грифона, и Младший Каноник понял: ему остается только сторожить статую и защищать ее. Всю ночь он ходил туда и обратно вдоль церковных дверей и отгонял мужчин с лестницами, которые пытались взобраться наверх, к огромному каменному грифону. Прошел не один час, прежде чем горожане вынуждены были прекратить свои попытки и разошлись по домам спать. Младший Каноник пробыл на дежурстве до восхода, а затем поспешил на луг, где оставил Грифона.

Чудище только что проснулось. Увидев священника, оно поднялось, встряхнулось и сказало, что готово идти в город. И Младший Каноник пошел назад пешком, а Грифон неспешно полетел по воздуху, держась невысоко над головой проводника. На улицах не было видно ни души, и они вдвоем проследовали прямо к церкви, где Младший Каноник показал гостю каменного грифона на фасаде.

Живой Грифон улегся на маленькой площади перед церковью и очень серьезно уставился на свое изваяние. Он смотрел на него очень долго. Склонял голову то в одну сторону, то в другую, зажмурил правый глаз и посмотрел левым, а потом зажмурил левый и стал смотреть правым. Затем немного сдвинулся в одну сторону и снова принялся созерцать статую, после чего переместился в другую сторону. Спустя некоторое время он сказал Младшему Канонику, который все это время стоял рядом, никуда не отлучаясь:

– Сходство, должно быть, идеальное! Эта широкая переносица, этот высокий лоб, эти массивные челюсти! Я чувствую, что статуя должна походить на меня. Если и можно найти в ней какой-то изъян, то разве что шея – как будто затекла немного. Но это мелочь. Восхитительный портрет, просто восхитительный!

Все утро и весь день до вечера Грифон сидел и смотрел на свое изображение. Младший Каноник боялся отойти и оставить его одного. Он лелеял надежду, что скоро Грифон пресытится и улетит к себе домой. Но к вечеру бедный молодой человек совершенно выдохся, ему было просто необходимо утолить голод и поспать. Он откровенно признался в этом Грифону и спросил, не хочет ли тот поужинать. Младший Каноник задал этот вопрос, так как счел, что этого требует вежливость, но, едва договорив фразу, оцепенел от ужаса: что, если чудище потребует полдюжины младенцев или какое-то подобное соблазнительное лакомство?

– О нет, – ответил Грифон. – Между Равноденствиями я никогда не ем. В дни весеннего и осеннего Равноденствия я устраиваю себе сытную трапезу, и ее хватает на полгода. Я неукоснительно слеую своим привычкам и считаю, что несвоевременные перекусы вредят здоровью. Но если ты нуждаешься в пище, иди и добудь ее, а я вернусь на мягкую траву, где ночевал вчера, и снова посплю.

На следующий день Грифон снова прилетел на маленькую площадь перед церковью и остался там до вечера, неотрывно созерцая каменного грифона над дверями. Младший Каноник один-два раза выходил его проведать, и Грифон, по-видимому, очень этому радовался. Но молодой священник не мог долго оставаться на площади, так как должен был выполнять свои многочисленные обязанности. Никто из горожан не входил в церковь, но домой к Младшему Канонику народ валом валил: все беспокоились о том, сколько еще Грифон собирается оставаться в городе.

– Не знаю, – отвечал священник, – но думаю, что он вскоре пресытится разглядыванием своего каменного портрета и улетит.

Однако Грифон никуда не собирался. Каждый день он по утрам прилетал к церкви, но постепенно перестал оставаться там до самого вечера. Похоже, Младший Каноник ему очень понравился: Грифон следовал за ним по пятам, когда тот занимался всевозможными делами сообразно своему призванию. Грифон дожидался священника у боковой двери церкви, ибо Младший Каноник ежедневно проводил утреннюю и вечернюю службу, не считаясь с тем, что в церковь теперь никто не ходил. «Если кто-то все-таки придет, – говорил себе священник, – он должен найти меня на посту». Когда молодой человек выходил из церкви, Грифон сопровождал его в дома бедняков и больных, а также часто заглядывал в окна школы, где Младший Каноник занимался со своими сложными учениками. Все остальные школы в городе закрылись, но учеников Младшего Каноника родители спроваживали в школу: дети были такие непослушные, что независимо от появления в городе Грифона родители не стерпели бы их присутствия дома целый день. Но, надо признать, даже эти сорванцы обычно становились паиньками, если гигантское чудовище, усевшись на свой хвост, заглядывало в окна класса.

Когда горожане смекнули, что Грифон, судя по всему, не собирается никуда улетать, все, кто мог, уехали. Каноники и высшее духовенство сбежали в первый же день визита Грифона, оставив церковь на Младшего Каноника и нескольких служек, которые отпирали двери и подметали пол. Все граждане, которым это было по карману, заперли свои дома и отбыли в дальние края, в городе же остались только рабочие да нищие. Спустя несколько дней оставшимся жителям пришлось выйти наружу и заняться своими делами, иначе они умерли бы с голоду. Они начали постепенно привыкать к присутствию Грифона – прослышав, что между Равноденствиями он ничего не ест, горожане боялись уже не так сильно, как раньше. А Грифон день ото дня все больше привязывался к Младшему Канонику, много времени проводил подле него и часто ночевал у домика, где в одиночестве жил молодой священник. Это странное товарищество часто обременяло Младшего Каноника, но с другой стороны, он не мог отрицать, что извлекает из их общения много пользы и приобретает много знаний. Грифон прожил несколько сот лет, многое повидал и рассказал Младшему Канонику немало чудесного.

«Все равно что читать старинную книгу, – думал молодой священник. – Но сколько книг пришлось бы мне осилить, прежде чем я узнал бы все, что поведал мне Грифон о земле, воздухе и воде, о минералах и металлах, о растениях, обо всех чудесах света!»

Лето шло, и постепенно приближалась осень. Горожане снова всерьез забеспокоились.

– Недолго осталось, – говорили они, – до осеннего Равноденствия, и тогда чудовище захочет есть. Оно, наверное, страшно проголодалось, так как после последней трапезы много путешествовало. Оно сожрет наших детей. Сожрет их всех, это уж как пить дать. Что нам делать?

На этот вопрос никто не знал ответа, но все согласились: нельзя допустить, чтобы Грифон прожил в городе до ближайшего Равноденствия. Обсудив все хорошенько, люди целой толпой отправились к Младшему Канонику, улучив момент, когда Грифона с ним не было.

– Ты один виноват, – сказали они, – в том, что это чудовище обосновалось среди нас. Ты его сюда привел, ты и позаботься о том, чтобы он улетел восвояси. Только ради тебя он вообще здесь остается – хотя он каждый день навещает свою статую, почти все время он проводит с тобой. Не будь здесь тебя, он бы не остался. Твой долг – уйти куда-нибудь подальше, и тогда он последует за тобой, а мы освободимся от ужасной опасности, которая нависла над всеми нами.

– Уйти! – вскричал Младший Каноник, глубоко уязвленный тем, что с ним разговаривают в такой манере. – И куда же я пойду? Если я отправлюсь в другой город, разве я не принесу беду туда? Вправе ли я так поступать?

– Нет, – сказали горожане, – тебе нельзя отправляться в другие города. В любом случае нет такого отдаленного города, который бы нас устроил. Иди на мрачную пустошь, где живет Грифон, тогда он последует за тобой и останется там.

Они не сказали, ждут ли от Младшего Каноника, чтобы он остался на пустоши вместе с Грифоном, а священник не стал у них ничего уточнять. Он поклонился и удалился в свой дом, чтобы подумать.

Чем дольше он думал, тем яснее понимал: его долг – уйти и тем самым освободить город от присутствия Грифона.

В тот же вечер он набил кожаную котомку хлебом и мясом, а на следующее утро отправился в сторону мрачной пустоши. Путешествие было долгим, утомительным и печальным, особенно когда он вышел за пределы стран, населенных людьми, но Младший Каноник отважно шагал вперед, ни на миг не усомнившись в своем решении. Путь оказался длиннее, чем он рассчитывал, и запасы провизии вскоре так оскудели, что ему пришлось сильно сократить ежедневный паек. Но он не терял мужества и упорно двигался дальше, и после многодневного изнурительного похода пришел на мрачную пустошь.

Обнаружив, что Младший Каноник покинул город, Грифон, казалось, опечалился, но не выразил никакого желания отправиться на его поиски. Спустя несколько дней он начал сердиться и расспрашивать, куда ушел Младший Каноник. Жители города хоть и были рады спровадить молодого священника на мрачную пустошь, когда полагали, что Грифон немедля последует за ним, теперь боялись даже заикнуться о том, куда направился священник: чудище, похоже, уже разозлилось, а если оно заподозрит их в хитрости, наверняка придет в ярость. Поэтому все уверяли, что ничего не знают, а Грифон с безутешным видом бродил по городу. Однажды утром он заглянул в окно школы Младшего Каноника, которая теперь пустовала, и подумал: негоже, чтобы все пошло прахом из-за отлучки молодого священника.

– Церковь – это еще не столь важно, – рассудил Грифон, – ведь туда никто не ходил, а вот школу жалко. Пожалуй, я сам стану преподавать, пока священник не вернется.

Как раз было время начинать урок, и Грифон вошел в здание и дернул за веревку, чтобы позвонить в школьный звонок. Некоторые дети, услышав звонок, прибежали посмотреть, что случилось: они подумали, что это шутка одного из их дружков, – но увидев Грифона, замерли в изумлении и страхе.

– Идите скажите другим школьникам, – сказала чудище, – что урок сейчас начнется и если они не будут здесь через десять минут, я сам за ними приду.

Через семь минут все школьники сидели на своих местах.

На свете никогда не видывали такой чинной школы. Все дети, и мальчики, и девочки, сидели не шевелясь и не перешептываясь.

Грифон уселся в учительское кресло, широко раскинув свои огромные крылья – так он мог откинуться на спинку кресла, – а его гигантский хвост обвился вокруг стола, и кончик с шипом встал торчком, готовый отхлестать любого мальчика или девочку за дурное поведение. Грифон объявил школьникам, что станет с ними заниматься, пока их учитель отсутствует. Он старался, насколько умел, подражать мягкому и ласковому тону Младшего Каноника, но, следует признать, получалось у него не очень хорошо. Прежде Грифон внимательно следил за уроками в школе, и теперь решил, что не будет учить детей чему-то новому, а повторит с ними пройденное. Он собрал учеников из нескольких классов и стал их спрашивать по старым урокам. Дети чесали в затылке, стараясь припомнить то, что учили, – они так боялись Грифона, что отвечали с невиданным тщанием. Один мальчик, ходивший в двоечниках, ответил так хорошо, что Грифон подивился:

– Я бы подумал, что ты отличник. Уверен, ты никогда раньше не отвечал так хорошо. Почему так?

– Раньше мне было лень, – отвечал мальчик, дрожа как заяц. Он чувствовал, что надо говорить правду, так как все дети полагали, что огромные глаза Грифона видят их насквозь и сразу распознают ложь.

– Стыдись! – сказал Грифон. – Иди и сядь к двоечникам на заднюю парту, и если через два дня ты не станешь отличником, я буду знать причину.

На следующий день мальчик стал учиться лучше всех в классе.

Дети стали удивительно хорошо усваивать то, чему безуспешно пытались учиться раньше. Казалось, им заново дали образование. Грифон обращался с ними совсем нестрого, но в нем было нечто заставлявшее детей не ложиться спать, пока они сомневались, что накрепко затвердили домашнее задание.

Кроме того, Грифон решил навестить больных и бедняков. На больных это оказало чудодейственный эффект. Все, кроме тех, кто действительно был очень болен, вскочили с постелей и объявили, что уже совсем поправились. Тем же, кто не мог встать, Грифон давал травы и корни, которые никто не считал целебными. Но Грифон видел, как применяются эти снадобья в разных частях света, и большинство больных выздоровели. И все же позже они все говорили: что бы с ними ни случилось дальше, они не хотели бы, чтобы этот лекарь снова навестил их и принялся шупать им пульс и рассматривать язык.

Что до бедняков, они поголовно куда-то подевались. Все, кто зависел от людских милостей, теперь куда-нибудь да пристроились: многие вызывались делать черную работу на соседней просто за пропитание – нечто почти неслыханное для этого города. Грифон так и не нашел ни одного бедняка, который нуждался бы в его помощи.

Между тем миновало лето и приближалось осеннее Равноденствие. Горожан охватила паника. Казалось, Грифон никуда не собирается улетать и поселился среди них навеки. Очень скоро настанет день его трапезы, и что тогда случится? Чудище наверняка зверски проголодалось и сожрет всех детей в городе. Теперь горожане сильно раскаивались и сожалели, что отослали Младшего Каноника, – на него одного они могли бы положиться в этой беде, ибо только он мог без стеснения поговорить с Грифоном и выяснить, что можно предпринять. Горожане собрались на сход и поручили двум старцам пойти поговорить с Грифоном и предложить ему пышный пир в день Равноденствия. Жители города обещали приготовить все, чтобы утолить его голод: самую жирную баранину, самую нежную говядину, всевозможную рыбу и дичь – все, что ему могло бы прийти по вкусу. Если же Грифона ничто не устроит, старцам следовало упомянуть, что в соседнем городе есть сиротский приют.

– Все, что угодно, – рассуждали горожане, – лишь бы он не трогал наших деток.

Старцы пришли к Грифону, но их предложения были встречены неблагоприятно.

– После того что я видел от жителей этого города, – сказала чудище, – я думаю, мне вряд ли понравится какая бы то ни было пища, приготовленная их руками. Похоже, все они до последнего человека трусы, а следовательно, злы и себялюбивы. Съесть кого-то из них, старого или молодого? И не подумаю. Собственно говоря, во всем городе был только один человек, который пришелся мне по вкусу – то был Младший Каноник, – но он ушел из города. Он был храбр, добр и честен; полагаю, им я бы наслаждался.

– Эх! – проговорил один из старцев очень учтиво. – Как жаль, что мы отправили его на мрачную пустошь!

– Что-о?! – воскликнул Грифон. – Что вы хотите этим сказать? Немедленно объясните!

Старик, страшно перепугавшись своей обмолвки, поневоле рассказал, что горожане отослали Младшего Каноника в дальние края, так как надеялись, что Грифон последует за ним.

Услышав это, чудище пришло в ярость. Грифон взметнулся вверх, широко раскинув крылья, и начал летать над городом взад-вперед. Он так вышел из себя, что его хвост раскалился докрасна и сверкал в вечернем небе как метеор. Когда же Грифон наконец опустился на лужок, где обычно отдыхал, и окунул свой хвост в ручей, поднялось облако пара, и по городу заструился кипяток. Горожане страшно испугались и принялись проклинать старика, который проболтался насчет Младшего Каноника.

– Ну разумеется, – говорили они, – Грифон все-таки собирался отправиться на его поиски, и тогда мы были бы спасены. А теперь – как знать, какую беду ты на нас накликнул!

Грифон оставался на лужке недолго. Едва его хвост остыл, он прилетел в ратушу и начал звонить в колокол. Горожане понимали, что Грифон их созывает, и несмотря на то что им было очень страшно, послушаться они не смогли – зал ратуши был заполнен до отказа. Грифон стоял на помосте в дальнем конце зала. Он взмахивал крыльями и в нетерпении расхаживал туда-сюда – поднимался на помост и снова спускался в зал. Кончик его хвоста еще не совсем остыл, и на половицах оставались пропалины. Когда собрались все, кто мог дойти до ратуши, Грифон остановился и обратился к горожанам.

– Я проникся к вам презрением, – сказал он, – как только обнаружил, какие вы трусы, но я даже не догадывался, что вы настолько неблагодарны, себялюбивы и жестоки. Ваш Младший Каноник день и ночь трудился вам на благо, а вы думали лишь о том, как еще он может принести пользу и вас ублажить. Едва вы вообразили, что вам угрожает опасность – а я прекрасно знаю, что вы боитесь меня до коллик, – вы спровадили его, ни капли не беспокоясь, вернется он или погибнет. Таким способом вы надеялись спасти свои шкуры. Я действительно очень любил этого молодого человека и намеревался через день или два отправиться на его поиски. Но теперь я передумал. Я найду его и велю ему вернуться и жить среди вас, и я желаю, чтобы он получил награду за свои труды и самопожертвование. Пусть несколько человек пойдут к высшему духовенству, которое так трусливо сбежало сразу после моего прибытия, и скажут, что под угрозой смертной казни эти люди никогда не должны возвращаться в этот город. А если, когда к вам вернется Младший Каноник, вы не поклонитесь ему, не посадите его на высочайшее место среди вас и не станете служить ему и чтить его всю его жизнь, берегитесь моей ужасной мести! В этом городе не было ничего хорошего, кроме Младшего Каноника и моего каменного портрета над дверями вашей церкви. Первого вы прогнали, а второй я непременно у вас заберу.

С этими словами он объявил собрание закрытым, и вовремя, ибо кончик его хвоста так раскалился, что в здании вот-вот мог начаться пожар.

На следующее утро Грифон пришел к церкви и, вырвав каменную статую из креплений над большой дверью, обхватил изваяние своими могучими лапами и поднялся высоко в воздух. Затем, ненадолго зависнув над городом, он сердито щелкнул хвостом и полетел на мрачную пустошь. Добравшись до этих негостеприимных краев, он поставил каменного грифона на выступ утеса, что высился перед унылой пещерой, служившей Грифону жилищем. Статуя была установлена в месте, отчасти напоминавшем ее положение над церковными дверями, а Грифон, которому пришлось пролететь огромное расстояние со столь тяжелым грузом, без сил распростерся на земле и удовлетворенно устался на скульптуру. Немного отдохнув, он отправился на поиски Младшего Каноника.

Он обнаружил молодого человека лежащим в тени скалы – ослабшим и умирающим от голода. Грифон подхватил его и отнес в свою пещеру, а потом слетал на дальнее болото за целебными кореньями и травами, которые, как он знал, действуют на людей благоприятно и укрепляюще, хотя сам их никогда не пробовал. От снадобья Младший Каноник быстро ожил: он привстал на ложе и выслушал рассказ Грифона о том, что случилось в городе.

– Знаешь ли ты, – сказала чудище, закончив рассказ, – что был мне очень по вкусу и до сих пор по вкусу?

– Очень рад слышать, – сказал Младший Каноник с обычной учтивостью.

– Сомневаюсь, что ты был бы рад, – возразил Грифон, – если бы как следует понимал суть дела, но теперь мы не станем об этом говорить. Все могло обернуться совсем иначе. Но меня так возмутило то, как с тобой обошлись, что я решил: ты должен наконец-то насладиться заслуженными наградами и почестями. Приляг и поспи хорошенько, а потом я отнесу тебя в город.

Молодой священник услышал эти слова, и его лицо омрачила тревога.

– Пусть мое возвращение в город, – сказал Грифон, – не вызывает у тебя беспокойства. Я там не останусь. Теперь, когда мой восхитительный портрет стоит перед моей пещерой, где я могу сидеть в свое удовольствие и созерцать его благородные черты и великолепные пропорции, я больше не желаю видеть эту обитель трусости и себялюбия.

Младший Каноник успокоился, прилег и задремал. Когда он заснул крепко, Грифон подхватил его и отнес назад в город. Он добрался туда перед самым рассветом и, бережно уложив молодого человека на траву на лужке, где раньше сам отдыхал, улетел обратно. Никто из горожан так и не заметил чудища.

Когда наступило утро и Младший Каноник появился среди горожан, его встретили с поистине необыкновенным энтузиазмом и радушием. Его отвели в дом, где проживал один из сбежавших городских правителей, и каждый старался устроить его поуютнее и позаботиться о его здоровье.

Когда он служил литургию, церковь была полна, так что три старушки – вся его паства по будням в прежние времена – не могли пробиться к лучшим местам, на которых привыкли сидеть. Родители непослушных детей решили перевоспитывать их дома, чтобы избавить Младшего Каноника от хлопотных обязанностей учителя. Младшего Каноника назначили на высшую должность в его церкви, а скончался он в сане епископа.

В первые годы после его возвращения с пустоши горожане хоть и лебезили перед Младшим Каноником как перед человеком, которого положено чтить и уважать, но частенько косились У небо – не летит ли Грифон?

Однако со временем они научились чтить и уважать бывшего Младшего Каноника, не страшась кары заслушание.

Но они напрасно боялись Грифона. День осеннего Равноденствия давно прошел, однако зверь так ничего и не съел. Младшего Каноника он не мог получить, а ничего другого не хотелось. И вот так, распростершись на земле, не сводя глаз с огромного каменного Грифона, он постепенно зачах и умер. Хорошо, что некоторые горожане так об этом и не узнали.

Если вы однажды окажетесь в этом старом городке, то увидите маленьких грифонов по бокам церкви, но огромного каменного Грифона над дверями больше нет.

Ннеди Окорафор
Порочная Озиома
Пер. М. Тогобецкой

Я присутствовал при том, как Ннеди Окорафор вручали премию за «Кто боится смерти» как за лучший роман, и аплодировал так же громко, как остальные. Она замечательный писатель и при этом сама занимается своим домом в Чикаго и является обладательницей лучших волос на свете.

Двенадцатилетней Озиомы, умеющей говорить с ядовитыми змеями, в родной деревне сторонятся и считают ведьмой. Но однажды с небес спускается огромная змея, и храбрость Озиомы подвергается суровой проверке...

* * *

Для большинства жителей городка Агуатаун Озиома была негодной маленькой девчонкой, чье чистое сердце поглотила тьма два года назад, вскоре после смерти ее отца. Только ее мать могла бы поспорить с этим утверждением, но она была всего лишь четвертой женой мертвого картофельного фермера. Так что никого не волновало, что ее мать там себе думала.

Теперь, в свои двенадцать лет, Озиома часто проводила дни одна, в полном молчании. Люди старались держаться от нее подальше, даже родственники. Все опасались того, что может случиться, если с ней пересечься. Они называли ее ведьмой и колдовским отродьем – а подобные прозвища в ее маленьком городке Агуатаун были свидетельством крайнего презрения и неуважения к его носителю. Конечно же, они никогда не называли ее такими сильными, но дурными словами в лицо – большинство людей ни за что не отважились бы заглянуть глубоко в ее темные карие глаза.

А все из-за необыкновенных способностей Озиомы.

Дело в том, что жители Агуатауна боялись укуса змеи гораздо больше, чем остальные нигерийцы. Хотя городок был старым, дома и здания были выстроены на славу, а лес тщательно контролировался, змеи в округе оставались хозяевами. Они были повсюду, и все, как одна, были смертельно ядовиты. Змеи прятались в кустах и высокой траве, окружавших дома; ночью, когда было мало машин и грузовиков, они благополучно переползали дорогу, и они всегда свободно двигались вдоль тропинок, ведущих к источнику через лес.

Можно было, беззаботно смеясь и болтая, идти по тропинке с друзьями, а потом вдруг, забавно споткнувшись, завалиться на бок в траву. И следующее, что видел упавший, – это змея, впившаяся своими клыками ему в лодыжку. Следующее – и последнее, ибо смерть обычно наступала необыкновенно быстро и была довольно мучительной, особенно если это был укус шумящей гадюки или песчаной эфы.

В Агуатауне трудно было сыскать человека, который не потерял бы родственника, друга, одноклассника или врага, погибшего от змеиного укуса. Здесь люди не боялись опасных дорог, вооруженных грабителей или потери банковского счета из-за дефолта. Здесь люди боялись змей.

А Озиома со змеями разговаривала.

Те, кому довелось услышать, как она делала это два года назад, не могли не говорить об этом. Из-за этого происшествия, считали они, у нее «почернело сердце»: ведь как можно общаться со змеями и не стать порочным?

Тогда на картофельное поле ее дяди заползла змея, она вилась вокруг него, пока он наклонился в клубнях. А когда он обернулся, то оказался лицом к лицу с демоном в коричневом капюшоне – коброй. Озиома в этот момент выходила из дома с бутылкой апельсиновой фанты в руке.

К этому моменту она уже два дня ни с кем не говорила.

– Она была в одном из этих своих настроений, – позже объяснял ее дядя старейшинам, расспрашивавшим о происшествии. Прошел всего месяц со смерти ее отца, и люди еще не начали ее избегать.

– Нет! – крикнула Озиома, когда увидела своего дядю лицом к лицу с коброй.

Она бросила фанту и побежала к нему. К счастью, ни дядя, ни кобра не пошевелились. Свидетель сообщил, что дальше она встала на колени и приблизила свое лицо прямо к морде змеи. Ее дядя стоял плечом к плечу с ней, оцепеневший от ужаса.

– Она... змея... коснулась ее губ своим языком, пока девочка шептала ей что-то, – позже говорил ее дядя старейшинам, содрогаясь от отвращения. – Я был совсем близко, но не смог понять ни слова.

Старейшины слушали с таким же отвращением. Один отвернулся в сторону и сплюнул.

Никто не понял, что именно, но что-то Озиома определенно сказала, потому что змея в тот же момент опустилась на землю и уползла прочь.

Озиома повернулась к дяде, улыбаясь от облегчения – впервые с тех пор, как не стало ее отца. Она так по нему скучала. Показать наконец способность, о которой знали лишь родители – да и они видели это всего пару раз, хотя Озиома умела это всю жизнь, – было захватывающе. А использовав ее для спасения своего дяди, который был так похож на отца, Озиома почувствовала, как наконец расходятся тучи, закрывшие ее сердце, и как в него снова проникает солнечный свет. Она любила дядю так же, как и остальных родственников – по-своему, незаметно для окружающих.

Но дядя не улыбнулся в ответ.

Напротив, к ее удивлению, он нахмурился и посмотрел на нее таким взглядом, под каким увял бы самый сильный и горделивый цветок.

Озиома сжалась, прячась от его взгляда, быстро поднялась с земли и торопливо пошла домой. После этого происшествия дядя и слова не сказал своей племяннице, этой «нечистой заклинательнице змей».

Зато он рассказал, что она натворила, старейшинам и некоторым своим друзьям, делая акцент на том, как собирался разрубить змею пополам, когда вдруг явилась его племянница и стала общаться с этой тварью как с лучшим другом. Потом эти люди рассказали другим, а те – следующим. Вскоре все в Агуатауне знали об Озиоме и ее порочных привычках. Все говорили, что так и думали. Девочки из бедной семьи без отца часто предрасположены к колдовству, говорили они.

Но как бы то ни было, когда, плюясь ядом, с огромного хлопкового дерева посреди деревни спустилась кобра, догадываетесь, к кому они обратились?

Озиома стояла около большого котла с бурлящей красной похлебкой, напевая себе под нос. Ее мать болтала с тетей где-то в комнате. Плеер девочки был подключен к каким-то старым колонкам и играл афробит, который так любил ее отец. Снаружи гремел гром и вот-вот должен был начаться дождь, но ее это не волновало. Озиома готовила – она обожала это делать с тех пор, как мать научила ее три года назад. Готовя, она чувствовала себя самостоятельной и главной – она чувствовала себя взрослой.

Озиома аккуратно нарезала лук, приправила им нежное, плотное совершенство алых помидоров, встряхнула смесь тимьяна, красного перца, соли и карри и восхитилась сочной яркостью зелени. Она принесла и порезала половину цыпленка, которую посолила, поперчила и запекла. А теперь девочка напевала и медленно помешивала содержимое котла, чтобы добавленный в похлебку цыпленок не распался на волокна.

– Озиома!

Ее взгляд, до этого момента отсутствующий, словно она бродила где-то в параллельном мире вкусной еды, мгновенно обрел резкость. Озиома моргнула, заметив в окне одноклассника, Афама. Он был одним из немногих, кто не называл ее «целовальщицей змей». А однажды он даже попросил ее научить его говорить со змеями. Она всерьез задумалась об этом, но потом все же отказалась: змеи могут быть очень коварными, они далеко не всегда делают то, о чем ты их просишь. Они не кусали ее, Озиому, а вот Афама укусить могли – без особой на то причины: змеям нравилось проверять человеческую кожу на прочность.

Озиома вопросительно подняла брови, глядя на Афама. Сегодня она была не в настроении с кем-то разговаривать – хотелось просто готовить.

– Пойдем! – сказал взволнованно Афам, не дождавшись ответа, нетерпеливо повторил: – Пойдем же! Скорее!

По этому нетерпению в его голосе Озиома все поняла. И еще – по собственному ощущению. Она выпустила ложку из рук, и та утонула в густой красной похлебке.

Озиома выскочила из двери, не потрудившись надеть сандалии. Воздух был тяжелым и влажным – он как будто давил на ее кожу.

Она бежала за Афамом: мимо дома тетушки Нвадубы, где та однажды отшлепала ее за недостаточно громкое приветствие. Мимо дома мистера и миссис Ифир, пожилой пары, – им нравилось выращивать цветы во время сезона дождей и не нравилось, когда Озиома подходила к ним слишком близко. Мистер Ифир сидел на крыльце перед своими тигровыми лилиями и с подозрением смотрел на то, как она бежит. Мимо дома дяди. Дальше. Через картофельное поле, где она спасла его от кобры. И наконец, вверх по дороге в центр города, к месту для собраний под огромным хлопковым деревом, тянувшим свои ветки высоко в небо.

Афам остановился, переводя дыхание.

– Вот, – сказал он, показывая пальцем, потом резко развернулся и убежал за угол ближайшего дома и стал оттуда осторожно выглядывать.

Озиома повернулась лицом к дереву, как раз когда начался дождь.

Толстые гладкие ветки и корни дерева образовали идеальное место для сидения в виде фигуры из двух пауков, больший из которых забрался вверх ногами на меньшего. По выходным люди частенько собирались вокруг этого дерева, чтобы поспорить, побеседовать, выпить, покурить или сыграть в карты, сидя на ветках.

Озиома нахмурилась. Прогремел раскат грома, и сверкнула молния. Это, пожалуй, было самое неподходящее место для того, чтобы пережить грозу: мало того что огромное дерево было прекрасной мишенью для молний – оно еще к тому же считалось известным убежищем добрых и злых духов, в зависимости от дня (по крайней мере, большинство жителей городка считали его таковым).

А сегодня на нем, судя по всему, прятался еще кое-кто.

Озиома стояла, пытаясь оценить обстановку и понять, что делать дальше, и большие теплые капли дождя, которые падали на нее с небес, казались ей слезами ламантина.

Стручки с семенами на дереве созрели и лопались один за другим. Пушистые желтые семена пружинили вниз вместе с каплями дождя – словно прозрачные пузырьки. Вокруг дерева стояли шесть мужчин в коротких штанах, майках и сандалиях. Они были неподвижны, как само дерево.

Все, кроме одного.

Мужчина извивался в красной глине, которая быстро превращалась в жидкое месиво, очень похожее на оставленную Озиомой на огне похлебку. Он ужасно кричал и пытался выцарапать себе глаза.

Озиома поймала взгляд своего старшего брата. Сын второй жены отца, он всегда отворачивался при виде девочки и переходил на другую сторону улицы. Сейчас он стоял, неподвижный как камень, рядом с корчившимся на земле человеком. Озиома не позволяла себе слишком внимательно присматриваться к тому, кто кричал от боли на земле: она бы его обязательно узнала, а сейчас это было ни к чему. Она посмотрела вверх, на дерево, и почувствовала, как сердце у нее замерло и ухнуло в пятки, а потом – как тело наполняется адреналином.

Озиома моргнула, чтобы смахнуть с ресниц дождевые капли, – она не верила собственным глазам.

Не может быть!

Но все так и было. Прямо как в тех историях, которые любила рассказывать местная сказительница *дибиа*.

Между верхними ветками дерева болталась огромная цепь – она свисала прямо из облаков. От дождя она выглядела черной. Озиома знала, что она сделана из чистейшего, прочнейшего железа, которое не под силу согнуть никакому кузнецу. Она была древнее самого времени, эта лестница богов.

И по этой лестнице что-то спустилось с небес на землю.

– Сколько? – тихим голосом спросила Озиома, обращаясь к ближайшему мужчине. Это был Сэмми, еще один ее брат, переставший разговаривать с ней после случая с коброй. Она боялась, что он не услышит ее из-за дождя, но не могла рисковать, говоря громче.

– Одна, – прошептал он, с его губ капала вода. – Очень, очень большая! Огромная! Под корнями.

Озиома чувствовала, что они все смотрят на нее. Все. И каждый мечтает, надеется, молится, что она вытащит их из этого. Все эти люди, которые все это время не замечали ее – отказывались замечать. Озиоме невыносимо захотелось вернуться к своей идеальной похлебке и забыть обо всем, что здесь происходит.

Она увидела существо в переплетении корней. По крайней мере – часть этого существа. Да, ей придется быть очень убедительной. Очень.

Змея была как минимум вдвое больше обычного человека – она совершенно точно могла подняться лицом к лицу с Озиомой, и ей абсолютно ничего не стоило плюнуть ядом в глаза девочки. Плюющая кобра. Ее сильнейший яд будет жечь словно кислота. И жертва умрет не сразу: жертва ослепнет на много дней и умрет только потом в страшных мучениях.

Однако всем местным жителям отлично известно, что плюющая кобра плохо видит. И если застыть на месте и сохранять неподвижность, она не сможет отличить человека от дерева. В Агуатауне об этом знали абсолютно все. Поэтому стоило ей плюнуть в глаза кому-то одному, заставляя его корчиться от боли в грязи, остальные мгновенно замирали.

Мать Озиомы рассказывала ей, что в младенчестве Озиома ела землю и играла с листиками и жуками. «Может быть, поэтому ты можешь говорить на змеином языке. Ты обожала ползать на животе, как они», – говорила мать.

Возможно, так оно и было.

Но в любом случае, даже еще не видя этой змеи, Озиома откуда-то знала не только то, что это именно плюющая кобра, но и то, что она не такая, как другие.

Очень медленно Озиома продвигалась вперед. Змея наблюдала за ней из-за корней. И вот она медленно выскользнула наружу. Морда у нее была отстраненной – как лицо старого человека себе на уме, который долго жил и много видел: и войны, и мирные времена. Бисеринки дождя сыпались вдоль ее головы и длинного могучего тела.

– Озиома, что ты будешь делать? – прошептал ее брат.

– Тихо, – сказала она.

«Они вспоминают мое имя, только когда приходят чудовища, – сердито подумала Озиома. – Сейчас у них в глазах страх – и я его отчетливо вижу, потому что они наконец-то смотрят на меня!»

Озиома стояла под дождем в пяти футах от жуткого существа, глядя ему прямо в глаза, ее джинсовые шорты и красная майка насквозь промокли. Вокруг замерли люди – они боялись пошевелиться и словно росли в землю.

Глаза змеи были золотыми, а тело отливало травянисто-зеленым, а не красно-коричневым, как обычно у плюющей кобры. Она медленно поднялась и раскрыла капюшон, который тоже был зеленым, но чуть более светлого оттенка. Держа верхнюю половину туловища вертикально, она плавно скользнула ближе – такой маневр довольно труден для большинства кобр.

Озиоме захотелось закричать и как можно скорее убежать прочь отсюда.

Но было слишком поздно.

Змея уже прямо перед ней. Она плюнет яд в глаза Озиоме раньше, чем та успеет убежать.

И ведь Озиома сама сюда пришла. Чтобы спасти людей, – людей, которые ее ненавидели.

Ее отец сделал бы то же самое. Однажды он встал против вооруженных грабителей, которые хотели обворовать магазин. Он единственный оказался достаточно храбрым, чтобы крикнуть на этих дураков, – грабители оказались подростками и даже не осмелились воспользоваться мачете, которыми всем угрожали.

Дождь блестящими каплями покрывал чешуйчатую голову змеи, но ни один из стручков не упал на нее. Когда она заговорила, ее голос был похож на голос любой другой змеи – он проникал прямо в голову Озиоме, когда другие воспринимали его как шипение.

«Отойди. Я хочу это дерево. Оно мне нравится. Оно мое».

– Нет, – ответила Озиома вслух. – Это дерево принадлежит моему городу. Его жителям. Это мои... родные.

Кобра просто посмотрела на нее – ее лицо, как и морда любого другого животного, не выражало эмоций.

«Тогда я убью тебя и всех человеческих существ вокруг. Они не смогут оставаться неподвижными всегда».

– Это мой дом, – сказала Озиома. – У меня больше ничего нет. Они меня ненавидят, и я сама ненавидела их не раз и не два. Но я всегда буду любить их. Я не позволю тебе навредить еще кому-то!

Озиома могла тихонько читать свои любимые книги. Она могла стоять в полном одиночестве, чувствуя себя изгоем, когда одноклассники играли все вместе и подчеркнуто ее не замечали. Она могла тосковать по любви своих братьев, теток, дядьев и кузенов. Она могла смотреть в зеркало и мечтать хоть раз улыбнуться с легкостью. И она могла плакать и плакать о своем покойном отце.

Но она не могла вынести даже мысли о том, что это чудовище убьет всех этих людей.

Огромная змея вперила свой взгляд прямо в лицо девочки. Та задрожала, но не отвела глаза. Нельзя было отводить глаза!

Морда змеи медленно, постепенно, угрожающе придвинулось к ее лицу. Змея смотрела неотрывно, она пахла остро и сладко, как цветы, выросшие на химических отходах.

Озиома чувствовала, как внутри рождается истошный крик. Ее кожу покалывало, а капавший на спину дождь казался кровью.

Но она не двигалась с места и не отводила глаза.

«Кто ты?»

– Озиома.

«Кто они?»

– Мой народ.

«Они тебя ненавидят».

Озиома уклончиво ответила:

– И тем не менее.

«Ты не выказываешь уважения. Даже сейчас ты смотришь мне в глаза. Даже сейчас ты *говоришь* со мной. А ведь я могу сжечь твой мозг и превратить его в трясущееся желе, заставив тебя прочувствовать боль каждой клеточкой твоего тела!»

– П-почему ты хочешь наше дерево?

«Я забираю то, что выбираю. Вот как жизнь этого человека».

Озиома не обернулась посмотреть на человека, который, вероятно, уже даже не чувствовал боли.

Она продолжала удерживать взгляд змеи. Почему-то у нее было такое чувство, что, отпусти она этот взгляд, все будет кончено.

– Но ты пришла с неба.

«Это дерево очень высокое. Оно дотрагивается до мира духов. Я хочу его».

Они смотрели друг другу в глаза.

Сколько минут Озиома стояла там, глядя в душу этого чудовища? Все еще падали теплые капли дождя.

Краем глаза Озиома видела людей. Как долго они еще смогут не двигаться?

«Ты больше похожа на меня, чем на них. Отойди. Дай мне расправиться с ними, когда они зашевелятся».

– Я буду драться с тобой, – твердо сказала Озиома.

Но чем дольше они смотрели друг на друга, тем сильнее Озиома чувствовала, как ускользают от нее мужество и силы.

«У тебя нет яда».

– У меня есть руки.

«Это будет очень короткий бой, дитя».

– Я не дитя, – сердито сказала она, внезапно почувствовав прилив решимости. – Мне двенадцать лет, и мой папа умер.

Змея медленно подобралась ближе, ее безгубая пасть теперь касалась лица Озиомы. Даже под теплым дождем ее кожа казалась сухой и прохладной.

«Если даже не дитя – ты всего лишь слабый человек!»

Змея резко толкнула девочку, и та невольно поддалась назад, скользя ногами по хлюпающей грязи. Тварь была плотной и тяжелой, она была миллионом фунтов мощных мышц, прицепленных к небу.

Вся сила вытекла из Озиомы, словно вода из разбитой посуды. Она нарушила их визуальный контакт. Она проиграла. Ей конец. Им всем конец.

Озиома уже вдавила пятку в грязь, готовясь бежать.

Дождь заканчивался.

Озиома глянула на небо – ливень превратился в легкую изморось. Вдруг облака над деревом разошлись – и даже змея посмотрела наверх. Люди, стоявшие в оцепенении уже много минут, воспользовались шансом на спасение. Некоторые спрятались за деревьями, другие за домами и ближайшими кустами.

К тому времени вокруг собралось много горожан, они наблюдали за происходящим со смесью любопытства и ужаса.

Только Озиома оставалась на том же месте, глядя, как и змея, наверх, в просвет между облаками.

Что-то двигалось сквозь дождь по спирали, словно рыбка сквозь коралл.

У «рыбки» было тело змеи, сильный женственный торс и обычное лицо рыночной торговки.

Озиома упала на колени, широко открыв рот, а несколько людей ахнули, они показывали пальцами и кричали имя приближавшейся богини.

– Айдо-Хведо! Это Айдо-Хведо!

– О господи, Озиома рассердила богиню!

Дождь закончился, и вокруг Айдо-Хведо засияла радуга. Облака поспешно разбежались, как псы, при ее приближении. Радуга выросла и стала аркой над деревом.

Богиня подлетела к цепи, взяла ее одной рукой и пустила по ней волну до самого верха дерева. Она обернула свое зелено-коричневое тело вокруг одной из самых тоненьких веточек и выгнулась в сторону, чтобы получше разглядеть Озиому. Ее верхняя темно-коричневая половина туловища двигалась со змеиной мощью и уверенностью, а большая грудь перекачивалась как волны океана.

– Это хорошее дерево, – сказала она глубоким голосом, который наверняка донесся до всех людей в округе, прятавшихся, наблюдавших и слушавших. Она посмотрела на чудовищную змею – и та немедленно вернулась на дерево и начала подниматься.

Озиома облегченно выдохнула и медленно встала.

Поравнявшись с Айдо-Хведо, тварь нагнулась поближе и заговорила с богиней. Озиома слышала ее шепот, но была слишком далеко, чтобы разобрать слова.

Змея замолчала и уставилась на Озиому.

– Озиома Угочикву Мбагву, ты знаешь, кто это? – спросила Айдо-Хведо.

– Нет, – сказала Озиома.

– Это Экемини, и он из моего народа, – рассмеялась богиня, и радуга в небе увеличилась, заливая все вокруг медово-золотым, мандариновым, нежно-розовым, морским голубым и древесно-зеленым. – А мой народ могуществен и порядком... непредсказуем. Ты знаешь, как тебе повезло, что ты еще жива?

– Я не хотела, чтобы он убил кого-то еще, – сказала Озиома, стараясь, чтобы голос звучал как можно тверже. Она махнула в сторону человека, лежащего на земле, – он уже не шевелился. Озиома так и не разглядела его лица, но это было не важно: в городке не было ни одного человека, которого она бы не знала и который бы не знал ее.

Богиня ничего не сказала, оценивающе глядя на Озиому. Озиома стояла прямо. Она только что десять минут смотрела в глаза смерти. Даже богиня понимала это. Озиома сама себя чувствовала богиней. Что такое смерть?

Озиома твердо встретила взгляд богини, но из уважения опустила глаза. Отец учил ее, что она должна всегда, всегда, всегда уважать старших. А кто может быть старше богини?

– Он говорит, что ты произвела на него впечатление, – сказала Айдо-Хведо.

«Он выбрал забавный способ это продемонстрировать, – подумала девочка. – Разве он не собирался меня убить?!»

Но, разумеется, она не произнесла этого вслух. Лучше было не говорить богине, что она думала о твари, только что убившей одного из ее соплеменников.

Озиома все еще почтительно смотрела в землю, как вдруг что-то упало в грязь перед ней. Она невольно охнула, нагнулась, подняла это и вымыла в ближайшей луже. И поднесла к глазам.

Кусок чистого золота в форме дождевой капли. В свете божественной радуги он светился. Еще один слиток упал, потом еще. Ни один не попал в Озиому, не ударил ее, а тело погибшего, лежащего на земле, усыпали сотни маленьких золотых капель.

Богиня взмыла вверх по огромной железной цепи прежде, чем прекратился дождь из чистого золота.

К этому моменту люди бегали вокруг Озиомы, собирая щедрые дары Айдо-Хведо в карманы и изредка касаясь плеча Озиомы. Уважение, благоговение, просьба о прощении и понимание – все это содержали в себе их бессловесные прикосновения.

Озиома тоже собрала свою часть золотых капель, когда убедилась, что змея и богиня исчезли.

В следующие семьдесят пять лет в Агуатауне не было ни одного случая нападения змей на человека. До тех пор пока маленький мальчик по имени Нвокеджи, говоривший с орлами, не искусил судьбу.

Но это уже совсем другая история.

Нил Гейман
Жар-птица
Пер. А. Аракелова

Я впервые встретил подобную птицу в работах Э. Несбит. Эту историю (в стиле выдающегося американского писателя Р. А. Лафферти) я написал на 18-летие моей дочери Холли. Надеюсь, тебе понравится.

Светляки, рыбы-дельфины, запеченные бока единорога... Члены Эпикурейского клуба пробовали все на свете. Или не все?..

* * *

Ребята в Эпикурейском клубе состояли тогда бедовые и небедные. И погулять не дураки. Было их пятеро:

Огастес ДваПера Маккой, человек-гора – габаритами с троих, евший за четверых, пивший за пятерых. Прадед его основал Эпикурейский клуб на деньги от тонтины², в которой постарался забрать все – традиционным способом.

Профессор Мандалай, нервный коротышка, серый, как призрак (может, он и был призрак: в мире случались вещи и постраннее), который пил только воду и ел кукольные порции с

² **Тонтина** – система группового взаимного страхования: по смерти одного из членов группы его рента делится между оставшимися, пока не останется последний, которому достается все.

тарелок не больше блюдечка. Впрочем, гурман – не обязательно обжора, а Мандалай постигал самую суть всякого блюда, что перед ним ставили.

Вирджиния Бут, ресторанный критик, некогда писаная красавица, которая ныне превратилась в роскошную величественную развалину и своей разваленностью упивалась.

Джеки Ньюхаус, потомок (сомнительным манером) великого любовника, гурмана, скрипача и дуэлянта Джакомо Казановы. Как и его знаменитый родственник, Джеки Ньюхаус разбил немало сердец и отведал немало деликатесов.

И наконец, Зебедея Т. Кроукоростл, единственный эпикуреец-банкрот: он вваливался на собрания клуба с бутылкой дешевого пойла в бумажном пакете, небритый, без шляпы и без пальто, а зачастую не то чтобы даже в рубашке, но ел с аппетитом, которого хватило бы с лихвой на всех.

Слово взял Огастес ДваПера Маккой.

– Мы перепробовали уже все, что можно, – сказал Огастес ДваПера Маккой, и в голосе его сквозили печаль и горечь. – Отведали мясо стервятников, ели кротов и крыланов.

Мандалай сверился с блокнотом:

– На вкус стервятник напоминает протухшего фазана. Крот – трупного червя. Крылан по вкусу – точь-в-точь как упитанная морская свинка.

– Пробовали совиного попугая, мадагаскарскую руконожку и гигантскую панду...

– М-м-м, жареная отбивная из панядятины, – вздохнула Вирджиния Бут и сглотнула слюну.

– Даже кое-какие давно вымершие виды случались у нас на столе, – продолжал Огастес ДваПера Маккой. – Мы ели быстрозамороженную мамонтынину и мясо гигантского ленивца из Патагонии.

– Жаль, что мамонт был лежалый, – вздохнул Джеки Ньюхаус. – Зато понятно, отчего эти волосатые слоны так скоро закончились – люди быстренько их распробовали. Я, конечно, ценитель изысканных блюд, но в тот раз с первого же куска мои мысли обратились к канзасскому шашлычному соусу, и будь эти ребрышки посвежее...

– Не вижу ничего страшного в том, что он полежал во льду пару тысяч лет, – заметил Зебедея Т. Кроукоростл. Он оскалился, обнажив кривые, но все же острые и крепкие зубы. – Но если всерьез говорить о вкусном, правильный выбор – мастодонт, без вариантов. За мамонтов люди брались, когда не могли достать мастодонта.

– Мы ели кальмаров, гигантских кальмаров, необозримых кальмаров, – говорил Огастес ДваПера Маккой. – Мы ели леммингов и тасманских тигров. Мы ели шалашников, овсянок и павлинов. Мы ели рыбу-дельфина (которая не то же, что млекопитающее дельфин), гигантскую морскую черепаху и суматранского носорога. Мы ели все, что можно съесть.

– Глупости. Еще сотен блюд мы не пробовали, – заявил профессор Мандалай. – Даже тысяч. Ну, вспомнить хотя бы, сколько тысяч видов жуков мы пока обходили вниманием.

– Ой, Мэнди, – вздохнула Вирджиния Бут. – Отведав одного жука, считай, что знаешь вкус всех. А мы перепробовали сотни видов. И только навозники хоть чем-то порадовали.

– Нет, – возразил Джеки Ньюхаус. – Там все дело в навозных катышках. Сами жуки были совершенно невыдающиеся. И все же я с тобой согласен. Мы покорили вершины гастрономии и промерили бездны дегустации. Мы стали космонавтами, исследователями вселенных наслаждения и миров вкуса, которые другим и не снились.

– Так, так, так, – сказал Огастес ДваПера Маккой. – Вот уже более полутора веков раз в месяц происходит заседание клуба – так было при моем отце, моем деде и моем прадеде. Но теперь, боюсь, мы вынуждены прервать традицию, ибо не осталось ничего, что мы или наши предшественники не употребили бы в пищу.

– Жаль, что меня тут не было в двадцатые, – посетовала Вирджиния Бут, – когда в меню разрешили включить человечину.

– Только после электрического стула, – напомнил Зебедея Т. Кроукоростл. – Продукт уже был наполовину зажарен, сплошь обуглился и хрустел. После этого среди нас не осталось любителей «длинной свиньи»³ – был один, обладавший природной склонностью, но он все равно не задержался надолго.

– Ой, Корости, *зачем* делать вид, будто ты сам при этом присутствовал? – зевнула Вирджиния Бут. – Ты еще не настолько стар, любому же ясно. Тебе не дашь больше шестидесяти, даже учитывая беспокойное время и жизнь на улице.

– Да, времечко выдалось еще то, – согласился Зебедея Т. Кроукоростл. – Впрочем, не обольщайся. Так или иначе, осталась куча всего, что мы еще не ели.

– Назови хоть что-нибудь, – сказал Мандалай, нацелив острие карандаша на блокнот.

– Ну, есть такая жартаунская жар-птица, – сказал Зебедея Т. Кроукоростл и обнажил в ухмылке свои кривые, но острые зубы.

– Никогда о такой не слышал, – заметил Джеки Ньюхаус. – Ты ее выдумал.

– А я вот слышал, – сказал профессор Мандалай. – Правда, в другом контексте. Кроме того, она мифическая.

– Единороги тоже мифические, – напомнила Вирджиния Бут, – но, боже, запеченный бок единорога в тартаре был весьма недурен. Слегка отдавал кониной и немного козлятиной, но каперсы и сырые перепелиные яйца сильно поправили дело.

– В старых записях Эпикурейского клуба вроде упоминалась жар-птица, – сказал Огастес ДваПера Маккой. – Но что конкретно, я уже не помню.

– А там не говорилось, какой у нее вкус? – спросила Вирджиния.

– Кажется, нет, – нахмурился Огастес. – Надо будет покопаться в анналах.

– Не надо, – сказал Зебедея Т. Кроукоростл. – Это было в обгоревших томах. Все равно ничего не разберешь.

Огастес ДваПера Маккой почесал голову. У него действительно имелись два пера, воткнутых в узел тронутых сединой волос на затылке – некогда перья были золотыми, но теперь походили на пучки желтого мочала. Перья достались ему еще в детстве.

– Жуки, – встрепенулся профессор Мандалай. – Я как-то посчитал, что если человек – я, к примеру, – будет пробовать по шесть видов насекомых ежедневно, то на исследование всех известных науке жуков уйдет двадцать лет. А за эти двадцать лет новых видов наоткрывают еще на пять лет дегустации. Эти пять лет добавят еще два с половиной года занятости, и так далее, и так далее. Парадокс неисчерпаемости. Я назвал его «Жуком Мандалая». Правда, необходимо, чтобы человеку нравилось есть жуков, – прибавил он. – Иначе процесс будет очень неприятным.

– Не вижу ничего страшного в том, чтобы есть жуков, если это правильные жуки, – ответил Зебедея Т. Кроукоростл. – Я вот в последнее время запал на огневок. Видимо, есть в них какие-то витамины, которых мне не хватает.

– К жукам скорее относятся светляки, нежели огневки, – заметил Мандалай, – но и тех и других при всем желании не отнесешь к съедобным.

– Они, может быть, и не слишком съедобны, – возразил Кроукоростл, – зато хороши как закуска, которая готовит тебя к настоящей еде. Пожарю-ка себе огневок с гаванским перчиком... мням.

Вирджиния Бут была исключительно практичной женщиной.

– Допустим, мы захотим попробовать эту жартаунскую жар-птицу. Где она водится?

Зебедея Т. Кроукоростл поскреб недельную щетину, оккупировавшую его подбородок (длиннее она не становилась: у недельной щетины нет такого обыкновения).

³ Так дословно переводится термин, которым обозначали человечину аборигены Полинезии.

– Я бы, например, – сказал он, – в июльский полдень направился в Жартаун, нашел бы уютное местечко – скажем, кофейню Мустафы Строхайма – и ждал бы жар-птицу. Затем поймал бы ее традиционным способом и традиционным же способом приготовил.

– А как ее ловят по традиции? – спросил Джеки Ньюхаус.

– Так же, как твой знаменитый предок ловил перепелов и глухарей, – ответил Кроукоростл.

– В мемуарах Казановы вообще не говорится о ловле перепелов, – сказал Джеки Ньюхаус.

– Твой предок был занятым человеком, – объяснил Кроукоростл. – Не мог же он записывать все подряд. Но перепелов Казанова браконьерил неплохо.

– Кукурузные зерна и сушеная черника, пропитанная виски, – сказал Огастес ДваПера Маккой. – Мой папаша всегда делал так.

– И Казанова тоже, – кивнул Кроукоростл. – Только мешал ячмень с изюмом, вымоченным в коньяке. Он сам меня научил.

Джеки Ньюхаус пропустил мимо ушей это заявление. Почти все заявления Зебедии Т. Кроукоростла запросто пропускались мимо ушей. Впрочем, Джеки Ньюхаус все же спросил:

– А где кофейня Мустафы Строхайма в Жартауне?

– Там же, где и всегда: третья улочка от старого рынка в квартале Жартаун, не доходя до старой сточной канавы, которая некогда была арыком, но если выйдешь к ковровой лавке Одноглазого Хайяма, значит, ты пропустил нужный поворот, – начал Кроукоростл. – Судя по вашему недовольству, вы ожидали не столь подробного и конкретного описания. Я понял. Кофейня – в Жартауне, Жартаун – в Каире, Каир – в Египте и был там всегда. Ну, или почти всегда.

– А кто оплатит поездку в Египет? – спросил Огастес ДваПера Маккой. – И кто туда поедет? Хотя стоп, я уже знаю ответ, и он мне очень не нравится.

– Ты и оплатишь, Огастес, а поедем мы все, – все же озвучил малоприятный ответ Зебедия Т. Кроукоростл. – Вычти из наших членских взносов. Я же захвачу кухонную утварь и фаргук.

Огастес знал, что Кроукоростл не платил членские взносы с незапамятных времен, но Эпикурейский клуб покрывал недостачу: Кроукоростл состоял в клубе еще во времена Огастесова отца. Огастес лишь спросил:

– Когда выезжаем?

Кроукоростл вперил в него безумный глаз и разочарованно потряс головой.

– Ну Огастес, – сказал он. – Мы едем в Жартаун ловить жар-птицу. Когда мы выезжаем?

– В жаркий день, – пропела Вирджиния Бут. – Дорогие мои, мы выезжаем в любой жаркий день.

– У вас еще есть надежда, барышня, – сказал Зебедия Т. Кроукоростл. – Отправляемся в воскресенье. Через три воскресенья, считая от этого. Поедем в Египет. Проведем там несколько дней, поймем неуловимую жартаунскую жар-птицу и поступим с ней традиционно.

Профессор Мандалай тускло моргнул:

– Но, – начал он, – в понедельник у меня занятия. По понедельникам я веду мифологию, по вторникам даю уроки чечетки, а по средам обучаю деревообработке.

– Пусть твои классы возьмет помощник, Мандалай. Ах, Мандалай! В понедельник ты будешь охотиться на жар-птицу, – сказал Зебедия Т. Кроукоростл. – Сколько профессоров в мире могут сказать о себе такое?

В следующие три недели все члены клуба один за другим навестили Кроукоростла, чтобы обсудить предстоящее путешествие и поделиться дурными предчувствиями.

Зебедия Т. Кроукоростл не имел постоянного места жительства. Однако существовал перечень мест, где его можно было найти, если вам в голову взбрело искать. Рано утром

он спал на автовокзале – там были удобные скамьи, а транспортная полиция смотрела на его ночевки сквозь пальцы; в послеполуденную жару он прохлаждался в парке, среди статуй давно забытых генералов, в компании алкашей, пьянчуг и торчков, где в обмен на содержимое их бутылок делился своими откровениями эпикурейца, каковые всегда выслушивались уважительно, хоть и не всегда с восторгом.

Огастес ДваПера Маккой разыскал Кроукоростла в парке – Огастес пришел с дочерью, Холлиберри БезПера Маккой. Она была маленькой девочкой, но умом обладала острым, как зубы акулы.

– Знаешь, – сказал Огастес ДваПера Маккой, – все это кажется мне знакомым.

– Что – это? – не понял Зебедея.

– Все. Путешествие в Египет. Жар-птица. Как будто я об этом уже слышал.

Кроукоростл лишь кивнул. Он жевал что-то хрустящее из бумажного пакета.

Огастес продолжал:

– Я просмотрел подшивку анналов Эпикурейского клуба. Сорок лет назад жар-птица упоминалась в одном указателе, но больше ничего узнать не удалось.

– Почему? – шумно сглотнув, поинтересовался Зебедея Т. Кроукоростл.

Огастес ДваПера Маккой вздохнул.

– Я нашел страницу в анналах, – сказал он, – но ее выжгло, а потом в клубе началась полная неразбериха.

– А вы едите светлячков из пакета, – сказала Холлиберри БезПера Маккой. – Я заметила.

– Совершенно верно, мисс, – кивнул Зебедея Т. Кроукоростл.

– А ты помнишь ту смуту, Кроукоростл? – спросил Огастес.

– Разумеется. – Кроукоростл важно кивнул. – И тебя тоже помню. Тогда тебе было столько же, сколько юной Холлиберри сейчас. Что же до смуты, то вот она есть, а вот ее нет. Это как закат и рассвет.

В тот же день ближе к вечеру Джеки Ньюхаус и профессор Мандалай нашли Кроукоростла за железнодорожной насыпью. Тот жарил что-то в консервной банке над угольным костерком.

– Что готовишь, Кроукоростл? – спросил Джеки Ньюхаус.

– Еще угля, – сказал Кроукоростл. – Очищает кровь, возвышает дух.

На дне банки дымились почерневшие щепки липы и гикори.

– И что, ты будешь это есть, Кроукоростл? – спросил профессор Мандалай.

Вместо ответа Кроукоростл лизнул пальцы и выудил из банки уголек. Тот шипел и плевался в его хватке.

– Хороший фокус, – признал профессор Мандалай. – У огнеглотателей научился?

Кроукоростл закинул уголек в рот и разжевал старыми кривыми зубами.

– У них, – сказал он. – У них.

Джеки Ньюхаус откашлялся.

– Я хотел бы признаться, – сказал он, – что у нас с профессором Мандалаем весьма дурные предчувствия касательно предстоящего путешествия.

Кроукоростл дожевал уголь.

– Слегка остыло, – сказал он. Вынув из костра ветку, он откусил ее огненно-оранжевый кончик. – Так-то лучше.

– Это иллюзия, – сказал Джеки Ньюхаус.

– Ничего подобного, – строго возразил Зебедея Т. Кроукоростл. – Это колючий вяз.

– У меня очень дурные предчувствия, – продолжал Джеки Ньюхаус. – Мне от предков достался развитый инстинкт самосохранения – тот самый, что заставлял их трястись на крыше или прятаться под водой, в каком-то шаге от служителей закона и благородных господ, у кото-

рых имелись оружие и причины для недовольства, – и этот инстинкт твердит, что мне лучше не ехать в Жартаун.

– Я преподаватель, – сказал профессор Мандалай, – а посему лишен столь развитых чувств, какие присущи людям, коим не выпадало проставлять оценки в контрольных, да благословят их небеса, даже не читая. И все же я нахожу нашу затею чрезвычайно подозрительной. Если жар-птица так вкусна, почему я о ней раньше не слышал?

– Да слышал, старина. Слышал, – сказал Зебедея Т. Кроукоростл.

– К тому же я великолепно разбираюсь в географической науке, от Талсы, штат Оклахома, до Тимбукту, – продолжал профессор. – Но ни в одной книге я не встречал упоминания о Жартауне в Каире.

– Упоминания? Ты же сам это преподавал, – отозвался Кроукоростл, поливая дымящийся кусок угля острым перечным соусом и отправляя его в рот.

– Я не верю, что ты правда их ешь, – произнес Джеки Ньюхаус. – Но мне даже наблюдать за этим фокусом неуютно. Видимо, мне пора.

И он ушел. Профессор Мандалай ушел вместе с ним: человек этот был так сер и призрачен, что его присутствие всегда находилось под большим вопросом.

В предзакатный час Вирджиния Бут споткнулась о Зебедею Т. Кроукоростла, отдохавшего под дверью. Она возвращалась из ресторана, о котором надо было написать отзыв. Вышла из такси, споткнулась о Кроукоростла и растянулась. Приземлилась поблизости.

– Ух ты, – сказала она. – Ничего себе полет, а?

– Именно так, Вирджиния, – согласился Зебедея Т. Кроукоростл. – У тебя, часом, не найдется спичек?

– Спичек? Да, где-то были. – Она принялась рыться в сумочке, очень большой и очень коричневой. – Вот, нашла.

Зебедея Т. Кроукоростл извлек бутылочку пурпурного метанола и перелил его в пластиковую чашку.

– Метиловый? – удивилась Вирджиния Бут. – Зебби, я как-то не думала, что ты любитель метилового спирта.

– А я и не, – сказал Кроукоростл. – Паршивая штука. Гноит кишки и убивает вкусовые сосочки. Но в это время суток проблематично найти другую горючую жидкость.

Он зажег спичку и поднес ее к жидкости, по которой тут же побежало дерганое пламя. Потом съел спичку, сполоснул горло горящим спиртом и изрыгнул сноп пламени, испепелив газету, случайно попавшую в сектор обстрела.

– Корости, – сказала Вирджиния Бут, – так и убиться недолго.

Зебедея Т. Кроукоростл ухмыльнулся.

– Я ведь не пью его, – сказал он. – Только булькаю и выплевываю.

– Играешь с огнем.

– Только так я понимаю, что еще жив, – сказал Зебедея Т. Кроукоростл.

– О, Зеб! Я волнуюсь. Я *так* волнуюсь. Как думаешь, какой вкус у жар-птицы?

– Богаче перепела, сочнее индейки, жирнее устрицы, тоньше утки, – сказал Зебедея Т. Кроукоростл. – Попробовав раз, не забудешь.

– Мы едем в Египет, – сказала она. – Я никогда не была в Египте. – И добавила: – А где ты будешь спать?

Он поперхнулся, и легкий кашель сотряс его ветхое тело.

– Староват я стал ночевать в подъездах и по канавам, – сказал он. – Но у меня есть гордость.

– Ну, – сказала она, – можешь спать у меня на диване.

– Не то чтобы я не был тебе благодарен за предложение, – ответил он, – но на вокзале у меня есть именная скамья.

Он оттолкнулся от стены и величественно уковывлял прочь.

На автовокзале у него действительно была именная скамья. Он пожертвовал ее вокзалу давным-давно, когда был на коне, и на латунной табличке, прикрепленной к спинке, было выгравировано его имя. Зебедия Т. Кроукоростл не всегда был беден. Иногда деньги приваливали, но всякий раз он затруднялся их удержать. Разбогатеv, он замечал, что общество не слишком благосклонно смотрит на состоятельных людей, которые обедают в трущобах у железной дороги и якшаются с алкашами в парке, а потому старался растратить богатство как можно быстрее. Разумеется, тут и там оставались какие-то крохи, о которых он забывал напрочь, и порой он забывал, что быть богатым неудобно, вновь отправлялся на поиски удачи и непременно ее находил.

Он не брился уже неделю, и в щетине уже проглядывала белоснежная седина.

Они отбыли в Египет в воскресенье, эпикурейцы. Их было пятеро, и Холлиберри БезПера Маккой махала им ручкой. Аэропорт был маленький, там еще можно было помахать на прощание.

– Пока, папа! – крикнула Холлиберри БезПера Маккой.

Огастес ДваПера Маккой помахал ей в ответ и пошел по асфальту к винтовому самолетику, с которого начиналось их путешествие.

– Я как будто помню, – сказал Огастес ДваПера Маккой, – хотя и смутно, очень похожий день. В этом воспоминании я совсем маленький и тоже машу рукой. Кажется, тогда я видел отца в последний раз, и сейчас меня вновь охватило внезапное предощущение конца. – В последний раз он помахал дочери на другом краю поля, и та помахала в ответ.

– Тогда ты махал не менее энергично, – согласился Зебедия Т. Кроукоростл, – но у нее, пожалуй, выходит чуть импозантнее.

Он был прав. Она махала импозантнее.

Сначала был маленький самолет, потом большой, потом снова маленький, дирижабль, гондола, поезд, монгольфьер и арендованный джип.

Их джип тархтел на весь Каир. Они проехали старый рынок и свернули на третью по счету улочку (если бы поехали дальше, уперлись бы в сточную канаву, некогда бывшую арыком). Мустафа Строхайм собственной персоной сидел перед домом, примостившись в древнем плетеном кресле. Столы и столики тоже стояли на улице, а она была не особо широка.

– Добро пожаловать, друзья, в мою кахву, – сказал Мустафа Строхайм. – Кахва – это кафе, кофейня по-египетски. Хотите чаю? Или сыграть в домино?

– Хотим, чтобы нам показали наши комнаты, – сказал Джеки Ньюхаус.

– Я не хочу, – заявил Зебедия Т. Кроукоростл. – Буду спать на улице. Тут тепло, и вон то крыльцо вроде удобное.

– Мне кофе, если можно, – попросил Огастес ДваПера Маккой.

– Сию минуту.

– Вода у вас есть? – поинтересовался профессор Мандалай.

– Чей это голос? – удивился Мустафа Строхайм. – А, это ты, серый человечек. Ошибочка вышла. Я поначалу решил, что ты чья-то тень.

– Мне, пожалуйста, шай соккар боста, – сказала Вирджиния Бут, имея в виду стакан горячего чая с кусочком сахара на блюдце. – И я бы сыграла в нарды, если кто-нибудь желает со мной сразиться. В Каире не найдется человека, который обыграет меня, если только я вспомню правила.

Огастесу ДваПера Маккою показали его комнату. Профессору Мандалаю показали его комнату. Джеки Ньюхаусу показали его комнату. Времени это заняло немного; в конце концов,

комната была одна на троих. Вирджинии досталась другая комната, в глубине дома, а в третьей жил Мустафа со своей семьей.

– Что ты там пишешь? – спросил Джеки Ньюхаус.

– Протоколы, анналы и хроники Эпикурейского клуба, – ответил профессор Мандалай. Маленькой черной ручкой он делал записи в большой книге, переплетенной в кожу. – Я задокументировал наше путешествие и все, что мы ели по дороге. Когда будем есть жар-птицу, я запишу все впечатления: все оттенки вкуса и консистенции, все запахи и соки.

– Кроукоростл рассказал, как будет готовить жар-птицу? – спросил Джеки Ньюхаус.

– Да, – отозвался Огастес ДваПера Маккой. – Сказал, что выпьет пиво из банки, чтобы там осталась треть. Потом набьет банку пряностями и травами. Птицу насадит на банку, вроде как нафарширует, и зажарит. Говорит, так ее готовят по традиции.

Джеки Ньюхаус фыркнул:

– А не слишком ли новомодно?

– Кроукоростл утверждает, что это и есть традиционный способ приготовления жар-птицы, – повторил Огастес.

– Именно так, утверждаю, – подтвердил Кроукоростл, поднимаясь по ступеням. Дом-то был небольшой. Лестница неподалеку, да и стены не слишком толстые. – Пиво впервые появилось в Египте, и египтяне готовят жар-птицу вот уже больше пяти тысяч лет.

– Да, но пивную банку изобрели относительно недавно, – возразил профессор Мандалай, когда Зебедея Т. Кроукоростл вошел в комнату. Тот держал чашку турецкого кофе, черного как смоль и бурлившего, как расплавленный битум.

– Кофе не слишком горячий? – спросил Огастес ДваПера Маккой.

Кроукоростл одним махом проглотил полчашки.

– Не-а, – сказал он. – Не слишком. А пивная банка на самом деле не так уж нова. Раньше мы делали их из медной амальгамы и олова, иногда добавляли капельку серебра, иногда обходились без него. Зависело от кузнеца и от того, что было под рукой. Главное, чтобы температуру держала. Я смотрю, вы не очень-то мне верите. Джентльмены, поймите: нет никаких сомнений в том, что древние египтяне умели делать пивные банки, – иначе где бы они держали пиво?

С улицы донесся многоголосый вой. Вирджиния Бут уговорила местных сыграть в нарды на деньги и теперь раздевала до нитки. В нардах она была настоящей акулой.

За кофейней Мустафы Строхайма располагался дворик с развалившейся жаровней – глиняные кирпичи, полурасплавленная решетка – и старым деревянным столом. Весь следующий день Кроукоростл ремонтировал жаровню, чистил ее и мазал решетку маслом.

– Судя по ее виду, огня там не разводили лет сорок, – сказала Вирджиния Бут. С ней уже никто не хотел играть, зато коричневая сумочка раздулась от замусоленных пиастров.

– Да, где-то так, – согласился Кроукоростл. – Может, чуть дольше. Джинни, займись делом. Я составил список того, что нужно купить на базаре. В основном всякие травы, пряности и щепу. Вместо переводчика можешь взять кого-нибудь из детей Мустафы.

– С удовольствием, Корости.

Остальные члены Эпикурейского клуба убивали время каждый по-своему. Джеки Ньюхаус налаживал контакты с местными жителями, которых очаровали его элегантный костюм и мастерская игра на скрипке. Огастес ДваПера Маккой подолгу бродил. Профессор Мандалай коротал время, переводя иероглифы, выдавленные на кирпичах жаровни. Он объявил, что бестолковый исследователь бы решил, будто жаровня Мустафы Строхайма – святилище Солнца.

– Но я, человек искушенный, – сказал он, – сразу понял, что когда-то, давным-давно кирпичи эти были частью храма, и теперь, тысячелетия спустя, им нашли новое применение. Сомневаюсь, что эти люди сознают ценность того, что попало им в руки.

– О, они все прекрасно сознают, – сказал Зебедея Т. Кроукоростл. – И кирпичи не из какого не из храма. Они здесь уже пять тысяч лет, с тех пор как мы сложили жаровню. До этого все делалось на камнях.

Вирджиния Бут притащила с базара полную корзину.

– Вот, – сказала она. – Красное сандаловое дерево и пачули, ванильные бобы, веточки лаванды, шалфей, листья корицы, цельные мускатные орехи, чеснок, гвоздика и розмарин: все, что нужно, и даже больше.

Зебедея Т. Кроукоростл довольно улыбнулся.

– Жар-птица будет просто счастлива, – сказал он ей.

До самого вечера он готовил соус для жаркого. Сказал, что это дань уважения, а кроме того, мясо жар-птицы часто бывает суховатым.

Эпикурейцы встретили закат в ивовых креслах на улице, а Мустафа Строхайм и его домо-чадцы приносили им чай, кофе и горячий мятный настой. Зебедея Т. Кроукоростл предупредил эпикурейцев, что в воскресенье на обед будет жартаунская жар-птица, так что лучше им на ночь не наедаться, чтобы не потерять аппетит.

– У меня предчувствие надвигающейся беды, – сказал Огастес ДваПера Маккой, укладываясь на кровать, слишком маленькую для его габаритов. – И боюсь, ее подадут нам под соусом для жаркого.

Наутро все проснулись голодные. Зебедея Т. Кроукоростл надел клоунский передник с ядовито-зеленой надписью ПОЦЕЛУЙ ПОВАРА. Он уже разбросал зерно и вымоченный в коньяке изюм под чахлым авокадо за домом и теперь раскладывал на подушке из древесного угля ароматные щепки, сушеные травы и пряности. Мустафа Строхайм уехал с семьей к какой-то родне на другой конец Каира.

– Спички есть у кого? – спросил Кроукоростл.

Джеки Ньюхаус вытащил зажигалку и отдал ее Кроукоростлу, а тот поджег сухие лавровые и коричные листья, присыпанные древесным углем. В полуденном воздухе заструился дымок.

– Сандаловое дерево и корица приманят жар-птицу, – сказал Кроукоростл.

– Откуда приманят? – спросил Огастес ДваПера Маккой.

– С Солнца, – ответил Кроукоростл. – Она там спит.

Раздался осторожный кашель профессора Мандалая.

– Земля в перигелии отстоит от Солнца приблизительно на 91 миллион миль. Рекордная зафиксированная скорость птицы, пикирующего сапсана, немногим превысила 273 мили в час. При такой скорости лететь к нам от Солнца жар-птица будет чуть больше тридцати восьми лет. Если, конечно, ей нипочем темный холод космического вакуума.

– Конечно, – согласился Зебедея Т. Кроукоростл. Он прикрыл рукой глаза, посмотрел в небо и сощурился. – А вот и она.

Казалось, птица летит прямо из Солнца; но это, разумеется, была лишь иллюзия. Не станешь ведь в полдень прямо на солнце таращиться.

Сначала появился лишь силуэт, черный силуэт на фоне солнца и голубого неба, потом солнце тронуло его перья, и у людей на земле перехватило дыхание. Ничто не сравнится с блестящим на солнце оперением жар-птицы – от этого перехватит дыхание у кого угодно.

Жар-птица взмахнула крыльями и закружила, все ближе и ближе, над кофейней Мустафы Строхайма.

И приземлилась прямо на авокадо. Ее перья были золотыми, они были серебряными, они были пурпурными. Она была крупнее упитанного петуха, меньше индейки, с длинными ногами и шейей цапли, а голова ее напоминала орлиную.

– Она прекрасна, – прошептала Вирджиния Бут. – Посмотрите, какой у нее хохолок из двух перьев. Такой симпатичный.

– Весьма симпатичный, – согласился профессор Мандалай.

– Что-то мне эти перья напоминают, – пробормотал ДваПера Маккой.

– Мы оциплем хохолок перед жаркой, – сказал Зебедея Т. Кроукоростл. – Так положено.

Жар-птица сидела на авокадо, под солнцем. Казалось, она сияла изнутри, отражая солнце, будто ее перья были сплетены из света, переливавшегося пурпуром, зеленью и золотом. Потом она стала прихорашиваться, подставив солнцу расправленное крыло. Она ворошила и поправляла перья, пока не пригладила все до единого. Затем наступила очередь второго крыла. Наконец, птица удовлетворенно чирикнула и слетела на землю.

Близоруко озираясь, она потрусилась по высохшей грязи.

– Смотрите! – воскликнул Джеки Ньюхаус. – Она нашла зерна.

– Как будто искала их, – сказал Огастес ДваПера Маккой. – Как будто знала, где искать.

– Я всегда сыплю зерна в том месте, – сказал Зебедея Т. Кроукоростл.

– Какая красивая, – повторила Вирджиния Бут. – Но вблизи видно, что она гораздо старше, чем я себе представляла. Глаза мутные, ноги заплетаются. Но все же какая красивая!

– Птица Бенну – красивейшая из всех птиц, – сказал Зебедея Т. Кроукоростл.

Вирджиния Бут умела объясниться с египетским официантом, но на этом ее языковые познания заканчивались.

– Что за птица Бенну? – спросила она. – Жар-птица по-египетски?

– Птица Бенну, – ответил профессор Мандалай, – ночует на ветках персеи. На голове у нее два пера. Иногда ее изображают, как цаплю, иногда в виде орла. Это не все, но остальное до того невероятно, что нечего и повторять.

– Смотрите, она склевала зерно и изюм! – воскликнул Джеки Ньюхаус. – Теперь ее шатает – но какое величие, даже в опьянении!

Зебедея Т. Кроукоростл подошел к жар-птице, которой огромного усилия воли стоило, топчась туда-сюда в пыли под авокадо, не путаться в собственных ногах. Он встал перед жар-птицей и очень медленно ей поклонился. По-стариковски, натужно и скрипуче, однако же поклонился. И жар-птица поклонилась в ответ, а потом повалилась в пыль. Зебедея Т. Кроукоростл почтительно взял ее на руки, точно ребенка, и понес обратно во дворик за кафе Мустафы Строхайма, а остальные последовали за ним.

Первым делом Зебедея выдернул и отложил в сторону два великолепных золотых пера из хохолка.

Потом, не оципывая птицу, он выпотрошил ее и положил потроха на дымящийся хвост. Ополовиненную банку пива сунул в тушку и водрузил птицу на жаровню.

– Жар-птица жарится быстро, – предупредил Кроукоростл. – Готовьте тарелки.

Древние египтяне приправляли пиво кардамоном и кориандром, поскольку не знали хмеля, и пиво у них выходило вкусное, душистое и хорошо утоляло жажду. После такого пива можно было и целую пирамиду построить, что иногда и случалось. Пиво в банке бурлило и распаривало жар-птицу изнутри. Когда жар от углей достиг оперенья, оно сгорело, будто магниевая фольга, с такой яркой вспышкой, что эпикурейцам пришлось зажмуриться.

Воздух пропитался запахом жареной дичи – сочнее утки, тоньше фазана. У изголодавшихся эпикурейцев потекли слюнки. Казалось, времени прошло всего ничего, а Зебедея уже снял жар-птицу с раскаленного ложа и поставил на стол. Потом разрезал на куски и разложил дымящееся мясо по тарелкам. Каждый кусочек он полил соусом. Кости отправились прямоком в огонь.

Все члены Эпикурейского клуба расселись на заднем дворе кофейни Мустафы Строхайма, вокруг древнего деревянного стола. Они ели руками.

– Зебби, это восхитительно! – воскликнула Вирджиния Бут с набитым ртом. – Так и тает во рту. Вкус просто неземной.

– Это вкус Солнца, – сказал Огастес ДваПера Маккой, поглощая мясо с рвением, на которое способен только по-настоящему большой человек. В одной руке у него была ножка, в другой – кусок грудки. – В жизни не пробовал ничего вкуснее и не жалею, что отведал, но все же я буду скучать по дочери.

– Волшебно, – высказался Джеки Ньюхаус. – Это вкус любви и прекрасной музыки. Это вкус истины.

Профессор Мандалай записывал все в анналы Эпикурейского клуба. Он описывал свои ощущения, записывал впечатления других членов клуба, стараясь не замарать страницы, поскольку в свободной руке держал крылышко, которое объедал с величайшим тщанием.

– Странно, – сказал Джеки Ньюхаус. – Чем больше я ем, тем горячее во рту и в желудке.

– Да. Так и должно быть. Лучше готовиться заранее, – откликнулся Зебедея Т. Кроукоростл. – Есть огневок и раскаленные угли. Иначе организму чуток тяжеловато.

Зебедея Т. Кроукоростл трудился над головой птицы, разгрызая кости и клюв. Они молниями вспыхивали у него во рту, но Зебедея лишь ухмылялся и жевал.

Кости жар-птицы на жаровне занялись оранжевым, а потом вспыхнули ослепительно белым. На двор кофейни Мустафы Строхайма опустился густой жар, все вокруг мерцало, словно едоки смотрели на мир сквозь воду или марево сна.

– Какая прелесть! – жуя, сказала Вирджиния Бут. – В жизни не ела ничего вкуснее. Это вкус моей юности. Вкус вечности. – Она облизнула пальцы и взяла с тарелки последний кусок. – Жартаунская жар-птица, – сказала она. – А она еще как-нибудь называется?

– Феникс из Гелиополиса, – ответил Зебедея Т. Кроукоростл. – Птица, что гибнет в пламени и возрождается из пепла, поколение за поколением. Птица Бенну, что носилась над водами, когда еще не было света. Когда приходит время, она сгорает в огне из редких пород дерева, пряностей и ароматных трав и воскресает из пепла, раз за разом, к вечной жизни.

– Горячо! – воскликнул профессор Мандалай. – У меня внутри все горит! – Он хлебнул воды, но легче, видимо, не стало.

– Мои пальцы, – произнесла Вирджиния Бут. – Взгляните на мои пальцы. – Она протянула руку над столом. Пальцы сияли изнутри, словно подсвеченные огнем.

Воздух стал таким горячим, что в нем можно было запечь яйцо.

С шипеньем посыпались искры – два желтых пера в волосах Огастеса ДваПера Маккоя вспыхнули фейерверками.

– Кроукоростл, – сказал охваченный пламенем Джеки Ньюхаус. – Признайся, как долго ты ешь Феникса?

– Больше десяти тысяч лет, – сказал Зебедея. – Тысячей больше, тысячей меньше. Это не трудно, если наловчиться; наловчиться – вот в чем загвоздка. Но этот Феникс – лучший из всех, что я готовил. Или вернее сказать, что сегодня я удачнее всего приготовил этого Феникса?

– Годы! – воскликнула Вирджиния Бут. – Они из тебя выгорают!

– Такое бывает, – согласился Зебедея. – Но прежде чем приступить к трапезе, надо привыкнуть к жару. Иначе запросто соришь.

– Почему я этого не помнил? – спросил Огастес ДваПера Маккой сквозь обступившее его пламя. – Почему я не помнил, как ушел мой отец, а прежде его отец, как они все уходили в Гелиополис есть Феникса. Почему я вспомнил об этом только сейчас?

– Потому что сейчас твои годы сгорают, – сказал профессор Мандалай. Он захлопнул книгу в кожаном переплете, едва вспыхнула страница. Обрез книги обуглился, но все остальное не пострадало. – Когда годы сгорают, возвращается похороненная в них память. – В дрожи горящего воздуха профессор выглядел намного плотнее и улыбался. Раньше никому не доводилось видеть улыбки профессора Мандалая.

– Мы сгорим без остатка? – спросила раскаленная Вирджиния. – Или выгорим обратно в детство, обратно в духов и ангелов, и начнем все сначала? Хотя это не важно. О, Корости, как это прекрасно!

– Пожалуй, – сказал Джеки Ньюхаус из-за стены огня, – в соус стоило бы добавить чуть больше уксуса. Мне представляется, такое мясо заслуживало чего-то покрепче. – И он исчез, и от него остался лишь его образ.

– *Chacun à son goût*, – заметил Зебедея Т. Кроукоростл, что в переводе означает «на вкус и цвет...», облизнул пальцы и покачал головой. – Лучше не бывает, – сказал он с невероятным удовлетворением.

– Прощай, Корости, – прошептала Вирджиния. Она протянула добела раскаленную руку сквозь пламя и на секунду – ну, может, на две – крепко сжала его смуглую ладонь.

А потом на заднем дворе кахвы (она же кофейня) Мустафы Строхайма в Гелиополисе (который некогда был городом Солнца, а теперь стал пригородом Каира) не осталось ничего, кроме белого пепла, что взметнулся на мягком ветерке и осел, точно снег или сахарная пудра; и никого не осталось, кроме молодого парня с черными как смоль волосами и ровными белыми зубами, в фартуке с надписью **ПОЦЕЛУЙ ПОВАРА**.

В груди пепла, засыпавшего глиняные кирпичи, шевельнулась маленькая пурпурно-золотая птичка – словно проснулась впервые в жизни. Она пискнула и уставилась прямо на Солнце, как дитя на своего родителя. Расправила тонкие крылышки, словно просушивая, а затем, подготовившись, взмыла к небу, к Солнцу, и никто не следил за ее полетом, кроме юноши во дворе.

У ног его, под пеплом, что недавно было деревянным столом, лежали два длинных золотых пера. Он поднял перья, стряхнул пепел и почтительно уложил их в карман куртки. Потом снял передник и ушел своей дорогой.

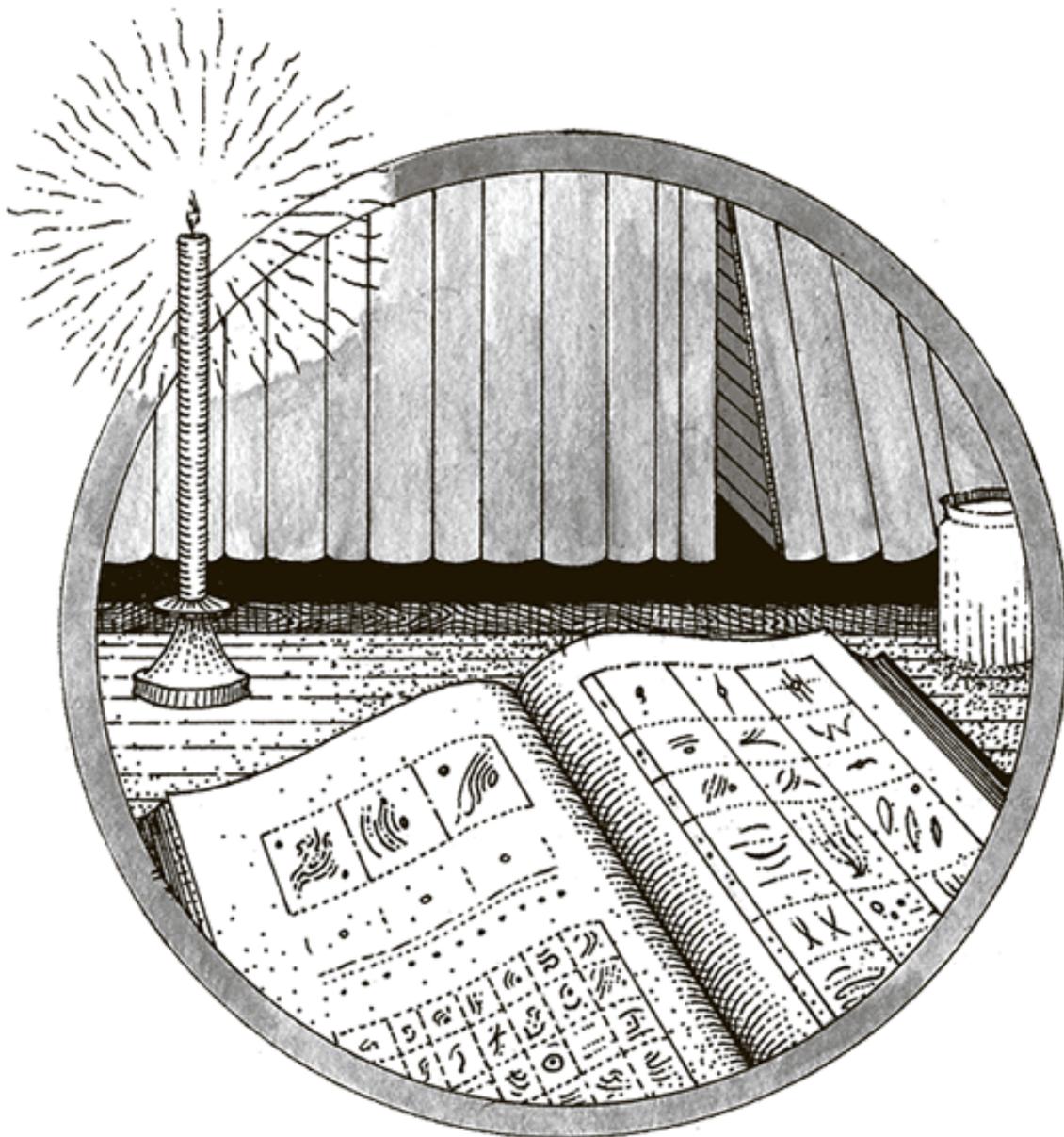
Холлиберри ДваПера Маккой – взрослая женщина, мать семейства. Ее некогда черные волосы теперь прошиты серебром, а из пучка на затылке торчат два золотых пера. Сразу бросается в глаза, что когда-то перья смотрелись очень эффектно, но с тех пор минуло много лет. Холлиберри – президент Эпикурейского клуба, компашки бедовой и небедной; давным-давно унаследовала эту должность от отца. Я слышал, эпикурейцы вновь зароптали. Говорят, что уже перепробовали все на свете.

Диана Уинн Джонс
Тирский мудрец
Пер. М. Тогобецкой

Диана Уинн Джонс совмещает в своих рассказах юмор и магию, приключения и мудрость. Она одна из моих любимых писательниц. И людей. Я по ней скучаю. Вам стоит почитать ее книги. В этом рассказе вы встретитесь с Крестоманчи, чародеем, который следит, чтобы люди не злоупотребляли магией. Этот образ также можно найти в ее «Заколдованной жизни» и некоторых других книгах.

Это рассказ о невидимых драконах, богах, великом мудреце и молодом человеке, ищущем его и смысл жизни заодно.

* * *

В мире под названием тир Небеса были организованы очень хорошо, практически идеально.

Каждый бог и богиня абсолютно точно знали свои обязанности, место в ряду других богов, свой характер, правильные молитвы, подходящее время для дел. Это относилось ко всем: и к Великому Зонду, Королю среди богов, и к любому из его подданных – среднему богу, младшему богу и божественным сущностям, вплоть до самых имматериальных нимф. Даже жившие в реках невидимые драконы не заходили за свои невидимые границы. Вселенная работала как часы.

Человечество не отличалось такой точностью и постоянством, но боги всегда были поблизости, чтобы направить людей на путь истинный. Так продолжалось веками.

Поэтому, когда посреди ежегодного Водного фестиваля, на котором имели право присутствовать только водные божества, Великий Зонд поднял глаза и увидел Империиона, бога солнца, мчащегося к нему через весь зал, ему показалось, что мир рушится.

– Убирайся немедленно! – закричал Зонд с возмущением и негодованием.

Но Империион пронесся по залу под свист и пар собравшихся водных божеств и прибыл на волне жара и горячей воды к основанию высокого трона Зонда.

– Отец! – воскликнул Империион, и в голосе его звучало отчаяние и тревога.

Высшие боги, к которым относился Империион, имели право называть Зонда Отцом. Зонд не мог вспомнить, приходился ли отцом Империиону на самом деле, – вопрос происхождения богов, в отличие от их сегодняшнего упорядоченного существования, был довольно туманным.

Но что Зонд знал точно – так это то, что Империион нарушил все правила. Неважно, сын он ему или не сын.

– Пади ниц, – сурово велел Зонд.

Этот приказ Империион тоже проигнорировал.

Впрочем, исполнить сие ему было бы затруднительно, поскольку пол на Небесах уже был залит водой и над ним вился парок.

Империион не сводил с Зонда пылающего взора:

– Отец! Родился Мудрец-Разрушитель!

Зонд, окутанный клубами горячего пара, вздрогнул и попытался сохранить невозмутимость.

– Сказано, – произнес он, – что родится Мудрец, который будет подвергать сомнению все. Его вопросы разрушат совершенный порядок на Небесах и внесут путаницу в жизнь всех богов. Также сказано... – Зонд вдруг понял, что Империион и его заставил нарушить правила. По протоколу сейчас нужно было бы вызвать бога пророчеств, чтобы тот проконсультировался с Книгой Небес. Но ведь Империион и был богом пророчеств – это являлось одной из его точно прописанных обязанностей!

Зонд набросился на Империиона:

– С какой стати ты приходишь сюда и рассказываешь все это мне?! Ты же бог пророчеств! Пойди и посмотри в Книге Небес.

– Я уже посмотрел, Отец, – ответил Империион. – Я обнаружил, что предсказал приход Мудреца-Разрушителя, когда боги только появились. Там сказано, что Мудрец родится и что я об этом не узнаю.

– Тогда, – логично возразил Зонд, – как же можешь ты мне говорить, что он родился?

– Сам факт того, – сказал Империион, – что я смог прийти сюда и прервать Водный фестиваль, доказывает рождение Мудреца. Совершенно очевидно, что Разрушение уже началось.

По толпе водных богов пробежала волна ужаса. Они собрались в глубине зала, как можно дальше от Империиона, но они все слышали. Зонд попытался собраться с мыслями. Залы на Небесах были наполнены паром, возникшим в результате появления Империиона, и пеной страха, которая исходила от испуганных водных богов, – Зонд впервые за все прожитые им тысячелетия видел Небеса в состоянии, настолько близком к хаосу. Если и дальше так пойдет – Мудрецу даже не потребуется задавать вопросов.

– Оставьте нас, – велел Зонд водным божествам. – Явления, которые не подвластны даже моему контролю, прервали этот фестиваль. Позже вас уведомят о принятом мной решении.

К ужасу Зонда, водные боги не спешили расходиться – еще один признак Разрушения.

– Обещаю, – пришлось добавить ему.

Водные божества неохотно покинули зал, уносясь на волнах. Все, кроме одного.

Это был Окк, бог всех океанов. По статусу Окк был равен Империиону, и жар его не пугал. Он не двинулся с места.

Зонду это не понравилось.

Окк всегда казался Зонду наименее дисциплинированным из богов. Он не знал своего места. Он был такой же беспокойный и непредсказуемый, как человечество.

Но что мог поделаться Зонд с уже начавшимся Разрушением?

– Мы даем тебе право остаться, – милостиво кивнул он Окку и обратился Империиону: – Ну а как ты узнал, что Мудрец родился?

– Я консультировался с Книгой Небес по другому вопросу, – ответил Империион, – и открылась страница с моим пророчеством относительно Мудреца-Разрушителя. Так как было предсказано, что я не узнаю дату и час рождения Мудреца, я понял, что он уже родился, иначе я бы не узнал. Впрочем, это самая туманная часть пророчества, остальное заслуживает высших похвал. Через двенадцать лет Мудрец начнет подвергаться сомнению и критиковать Небеса. Как нам его остановить?

– Я не знаю, что мы можем сделать, – сказал Зонд с безысходностью. – Пророчество есть пророчество.

– Но мы должны сделать что-нибудь! – вспыхнул Империион. – Я настаиваю! Я люблю и ценю порядок даже больше, чем ты. Подумай, что случится, если солнце вдруг не встанет с утра или не сядет вечером! Для меня это все значит больше, чем для любого другого. Я хочу, чтобы Мудреца-Разрушителя нашли и убили прежде, чем он сможет задавать вопросы.

Зонд был потрясен:

– Я не могу этого сделать! Если в пророчестве сказано, что Мудрец будет задавать вопросы, – значит, он должен их задавать!

Окк приблизился.

– В каждом пророчестве есть лазейка, – негромко сказал он.

– Разумеется, – огрызнулся Империион, – и я вижу лазейку не хуже тебя. Я пользуюсь преимуществом беспорядка, устроенного рождением Мудреца, чтобы попросить Великого Зонда убить его и тем самым ниспровергнуть пророчество. Так будет восстановлен порядок.

– Я не имел в виду кровопролития, – сказал Окк.

Два бога уставились друг на друга.

Пар от Окка окутывал Империиона и возвращался дождем назад к Окку, размеренно, как дыхание.

– А что же ты тогда имел в виду? – осведомился Империион.

– Пророчество, – объяснил Окк, – не говорит, в каком именно из миров Мудрец будет задавать вопросы. Есть множество других миров помимо Тира. Человечество называет их параллельными мирами, имея в виду, что любое историческое событие имеет несколько вариантов развития. В каждом параллельном мире есть свои Небеса. И среди сотен параллельных миров обязательно должен быть такой мир, в котором боги не настолько организованы, как мы здесь. Отправьте Мудреца в этот мир. И пусть он задает свои predetermined вопросы там – без всякого ущерба для нас.

– Хорошая идея, – с облегчением хлопнул в ладоши Зонд, что вызвало волну беспокойства по всему Тиру. – Империион, ты согласен?

– Да, – сказал Империион, пылая от облегчения. И, сбросив груз ответственности со своих плеч, стал пророчествовать: – Но я должен вас предупредить, что, когда вмешиваешься в ход судьбы, происходят странные вещи.

– Странные вещи я еще могу допустить, но только не хаос! – заявил Зонд.

Он снова пригласил водных богов и с ними – всех остальных богов Тира.

Он сказал им, что ребенок, которому суждено принести Разрушение, уже родился, и приказал каждому из них отправиться на край земли в поисках этого ребенка. (Выражение «край земли» было, разумеется, фигурой речи – Зонд не верил, что Тир плоский. Но это выражение не менялось веками, как и все остальное на Небесах, и значило «посмотрите везде».)

Все Небеса устремились на поиски – вверху и внизу, внутри и снаружи.

Нимфы и лесные духи обыскивали горы, пещеры и леса.

Боги домашнего очага заглядывали в колыбели.

Водные боги осматривали пляжи, берега и заливы.

Богиня любви углубилась в свой архив, чтобы найти возможных родителей Мудреца.

Невидимые драконы проверяли баржи и плавучие дома.

Поскольку в Тире был свой бог для всего сущего – ничто не было упущено или оставлено без внимания.

Империион искал яростнее всех, освещая каждый укромный уголок, каждую щелку на своей стороне мира. И он убедил Лунную богиню делать то же самое на ее половине.

Но Мудреца так никто и не нашел.

Была одна или две ложные тревоги – например, когда богиня домашнего очага сообщила о ребенке, который плакал не переставая. Этот ребенок, сказала она, довел ее до белого каления, и если это не было Разрушение, то ей хотелось бы знать, *что* это было. Поступило несколько сообщений о детях, родившихся с зубами, шестью пальцами или другими подобными странностями. Но каждый раз Зонду удавалось доказать, что ребенок не имеет отношения к Разрушению.

Через месяц стало очевидно, что маленького Мудреца найти не удастся.

Империион был в отчаянии, потому что для него – и он не лукавил, когда говорил об этом Зонду! – порядок действительно значил больше, чем для любого другого бога. Он пребывал в такой тревоге, что солнце чуть не начало остывать. В конце концов богиня любви предложила ему уехать и расслабиться со смертной женщиной, пока он сам не стал причиной Разрушения.

Империион понимал, что она права, и отправился навестить человеческую женщину, которую любил несколько лет. Любить смертных у богов было делом обыденным и привычным. Некоторые посещали своих возлюбленных, принимая необычные обличья и формы, а у некоторых было сразу несколько возлюбленных.

Но Империион был искренним и верным – он посещал Нестару только в обличье молодого красивого мужчины и любил ее преданно. Три года назад она родила ему сына, которого Империион любил почти так же сильно, как Нестару. До рождения Мудреца Империион даже пытался слегка изменить законы Небес таким образом, чтобы его сын тоже считался богом.

Мальчика звали Таспер.

Сойдя на землю, Империион увидел Таспера, который играл в песке у дома Нестары, – чудесный ребенок, светловолосый и голубоглазый. Нестара всерьез беспокоилась, что он до сих пор не говорит, но Империион относился к этому спокойно.

Он опустился на землю рядом с сыном:

– Здравствуй, Таспер. Что это ты так увлеченно копаешь?

Вместо ответа Таспер поднял свою золотистую головку и закричал:

– Мам! Почему, когда приходит папа, вокруг становится так светло?

Вся радость Империиона моментально испарилась.

Конечно, никто не задает вопросов, не научившись толком говорить!

Но неужели жизнь столь жестока, что именно его, Империиона, сын окажется тем самым Мудрецом?!

– А почему не должно быть светло, сынок? Что в этом особенного? – спросил Империион, защищаясь и не желая признавать очевидного.

Таспер хмуро посмотрел на него:

– Я хочу знать *почему*!

– Возможно потому, что ты рад меня видеть, – предположил Империион.

– Я не рад, – сказал Таспер. Его нижняя губа задрожала, большие голубые глаза наполнились слезами. – Почему становится светло? Я хочу *знать*! Мам! Я не рад!

Нестара выбежала из дому, даже не улыбнувшись Империиону.

– Таспер, любовь моя, что случилось?!

– Я хочу *знать*! – хныкал Таспер.

– Что ты хочешь знать на этот раз? Никогда не встречала столь любознательного ребенка, – гордо сказала Нестара Империиону, беря Таспера на руки. – Вот почему он так долго учился говорить! Он не хотел говорить, пока не научится задавать вопросы. И если не дать ему точный ответ – он будет плакать часами.

– И когда он начал задавать вопросы? – напряженно спросил Империион.

– Около месяца назад, – ответила Нестара.

Эта новость окончательно сразила Империиона, но он постарался скрыть свои эмоции.

Было совершенно очевидно, что Таспер и есть Мудрец-Разрушитель, а значит, придется отправить его в другой мир.

Империион улыбнулся и обратился к Нестаре:

– Любовь моя, у меня для тебя отличные новости. Таспера согласились признать богом. Он будет виночерпием у самого Великого Зонда.

– Ох, только не сейчас! – расплакалась Нестара. – Он еще такой маленький!

Она привела Империиону множество очень убедительных аргументов в пользу того, что надо бы подождать, но в результате позволила ему забрать Таспера, ведь лучшего будущего для ребенка и придумать было нельзя. Нестара снабдила Империиона подробными инструкциями о том, что мальчик ест и когда ложится спать. Империион поцеловал ее на прощание с тяжелым сердцем. Он не был богом обмана и знал, что не посмеет встретиться с ней вновь, опасаясь случайно проговориться.

С Таспером на руках Империион поднялся в средние слои под Небесами в поисках другого мира.

Таспер с интересом смотрел на великие синие изгибы мира.

– Почему?.. – начал он.

Империион поспешно поместил его в сферу забвения. Он не мог позволить Тасперу задавать вопросы здесь. Вопросы, способные вызвать Разрушение в земном мире, должны иметь еще более разрушительную силу в средних слоях.

Сфера забвения представляла собой серебристый шар, который был прозрачным и непрозрачным одновременно. В ней Таспер будет как бы спать, не шевелиться и не расти, пока кто-нибудь ее не откроет. Защитив ребенка таким образом, Империион повесил сферу на одно плечо и вступил в ближайший мир.

Он шествовал из одного мира в другой. К его удовольствию, их было практически бесконечное множество, так что выбрать было в высшей степени нелегко. В некоторых мирах царил такой хаос, что у него не поднялась рука оставить Таспера в них. В других боги возмущались вторжением Империиона и кричали, чтобы он убирался. В третьих возмущаться начинало человечество. Один из миров был настолько рациональным, что, к своему ужасу, Империион обнаружил, что боги в нем просто-напросто умерли!

Было много миров, которые казались ему на первый взгляд подходящими, тогда он выпускал из себя духа предсказаний – и в каждом случае дух сообщал ему, что здесь Таспер будет страдать.

И вот наконец он нашел хороший мир.

Этот мир казался спокойным и изысканным. Немногочисленные местные боги выглядели вполне цивилизованными. Империион был несколько обескуражен, обнаружив, что эти боги большей частью своего могущества делились с человечеством. Впрочем, здешнее человечество не злоупотребляло этим могуществом, и дух предсказаний убедил его, что если он оставит здесь сферу забвения с Таспером внутри, тот, кто ее откроет, хорошо позаботится о мальчике.

Империион оставил сферу в местном лесу и поспешил назад в Тир, испытывая невыразимое облегчение. Там он сообщил о сделанном Зонду – и Небеса возрадовались. Империион

проследил, чтобы Нестара вышла замуж за очень богатого и славного человека, который сделал ее не только богатой и счастливой, но и подарил множество детей вместо Таспера. Наконец, в легкой печали, он вернулся к упорядоченной жизни на Небесах.

Тир, не потревоженный Разрушением, оставался все таким же совершенным и абсолютным.

Прошло семь лет.

Все это время Таспер оставался трехлетним и ни о чем не знал. Время для него остановилось.

В один прекрасный день сфера забвения развалилась на две половины – и он заморгал от солнечного света, чуть менее золотого, чем он помнил.

– Так вот из-за чего весь переполох, – пробормотал высокий мужчина.

– Бедная невинная душа! – вздохнула женщина.

Таспер находился в лесу, вокруг были незнакомые люди, которые смотрели на него с сочувствием и нежностью. Но мальчик не знал, что прошло несколько лет, – буквально только что он куда-то летел с отцом!

И он закончил вопрос, который начал задавать отцу.

– А почему мир круглый? – спросил он.

– Интересный вопрос, – сказал высокий мужчина. – Принято отвечать, что из-за вращения вокруг Солнца у него стерлись углы. Но он мог быть и сразу создан так, чтобы мы заканчивали в той точке, где начали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.